

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

**ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ МОДЕЛЕЙ АКАНЬЯ
В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ**

дипломная работа

студента V курса
отделения русского языка и
литературы

Е. В. Шаульского

Научный руководитель:

доцент **С. В. Князев**

Москва

2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. К определению аканья: аканье и нейтрализация	5
§ 1. Аканье и нейтрализация.	5
§ 2. Рабочее определение аканья.....	19
Глава II. Фонологизация фонетической закономерности как диахронический сценарий генезиса аканья	20
§ 1. Генезис диссимилятивного аканья: фонологизация в ударном слоге.....	20
§ 2. Фонологизация в предударном слоге: тип дистрибуции гласных при диссимилятивном и умеренном яканье.	43
Глава III. Принципы организации безударного вокализма в акающих говорах и дифференцирующие признаки моделей аканья	53
§ 1. Понятие модели вокализма.	53
§ 2. Состав дифференцирующих признаков моделей аканья и набор их значений.	57
Заключение	70
Библиография	72
Приложение	82

ВВЕДЕНИЕ

Предметом настоящей работы является аканье — одно из самых известных, распространённых и заметных фонетических явлений современного русского языка (как литературного, так и диалектного). Названные особенности этого явления обусловили и весьма высокую степень его изученности. В связи с этим очередное обращение к этой теме требует объяснения.

Термин *аканье*, как его принято понимать в русской и славянской диалектологии, объединяет ряд разнообразных явлений, в основном относящихся к области безударного вокализма.¹ Определяющим признаком аканья является нейтрализация определённых гласных в безударной позиции.² Как это часто бывает в таких случаях, сам инвариант понятия, то есть набор необходимых и достаточных признаков, не всегда оказывается очерченным достаточно чётко. Одна из целей работы заключается в том, чтобы сформулировать такое определение аканья, которое позволит однозначно квалифицировать ту или иную модель безударного вокализма как относящуюся или не относящуюся к аканью. Для этого необходимо выяснить соотношение аканья и нейтрализации безударных гласных, чему посвящена первая глава дипломной работы.

¹ Однако не только безударного: имеются прецеденты употребления этого термина и по отношению к фактам ударного вокализма, см. [Колесов 1975].

² Но даже и этот признак нельзя считать общепринятым, см. об этом далее.

Во второй главе рассматривается диахронический аспект проблемы и предлагается сценарий генезиса аканья, основанный на понятии фонологизации фонетического явления. Таким образом, первая глава работы посвящена тому, что во всех разнообразных моделях аканья есть общего, вторая — тому, как это общее могло появиться исторически.

Ещё в 1963 г. В. Г. Руделев отмечал, что «⟨ф⟩онологическую интерпретацию русского аканья в настоящее время затрудняет отсутствие обобщающих работ по типологии аканья» [Руделев 1963: 30]. За сорок пять прошедших с тех пор лет число выявленных типов аканья возросло, но обобщающих работ по его типологии так и не появилось. Настоящее исследование не претендует на то, чтобы полностью заполнить эту лауну, но в нём предполагается хотя бы наметить пути решения данной задачи. В третьей главе работы дан синхронный обзор всего разнообразия моделей аканья, известных в современных говорах русского языка, и сделана попытка выделить набор дифференцирующих признаков этих моделей — то есть таких признаков, уникальное сочетание значений которых выделяет ту или иную конкретную систему вокализма из всех прочих. Для каждого дифференцирующего признака необходимо выявить и набор всех возможных его значений, поэтому в третьей главе рассматривается вопрос об иерархии этих признаков и сочетаемости их значений. Таким образом, в третьей главе работы речь идёт преимущественно о том, что в многочисленных моделях аканья есть различного.

Итоги исследования подводятся в заключении.

ГЛАВА I. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АКАНЬЯ: АКАНЬЕ И НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ

§ 1. Аканье и нейтрализация.

Определения оканья и аканья в широком и узком смысле были сформулированы в 1949 г. Р. И. Аванесовым:

«Аканьем вообще называется неразличение гласных фонем неверхнего подъёма в безударных слогах, их совпадение в одном звуке. Так определяется аканье в широком смысле, противопоставляемое понятию оканья — различению хотя бы части гласных фонем неверхнего подъёма в безударных слогах. Ср., например, *дамá, далá* (или *дъмá, дълá*) в акающих говорах при *домá*, но *далá* — в окающих <...>

Понятие аканья, кроме своего широкого значения <...>, имеет и другое, более узкое значение: под аканьем в этом более узком значении имеется в виду неразличение в безударных слогах гласных фонем неверхнего подъёма после твёрдых согласных (кроме шипящих). <...> Понятие оканья также кроме своего более широкого значения <...> употребляется и в более узком значении — оно означает различение в безударных слогах (хотя бы части) гласных фонем неверхнего подъёма после твёрдых согласных (кроме шипящих)».

[Аванесов 1949: 62]

Отметим, что такое понимание аканья разделяется не всеми диалектологами. В частности, авторы книги «Общеславянское значение проблемы аканья» называют

аканьем вовсе не нейтрализацию гласных фонем неверхнего подъёма, а просто произношение [a] в безударных слогах, см., напр., [Общеславянское значение 1968: 93]. Такое употребление термина *аканье* (при котором, кстати, актуализируется его внутренняя форма) можно считать фонетическим, тогда как Р. И. Аванесов прокламировал фонологическое понимание. В последнем издании учебника «Русская диалектология» под ред. Л. Л. Касаткина также проводится фонетическое понимание термина *аканье* — правда, это касается только аканья в узком смысле:

«Аканье в широком смысле — это неразличение гласных фонем неверхнего подъёма в безударных слогах, в узком смысле — неразличение /o/ и /a/ в безударном положении после твёрдых согласных *при совпадении их в части позиций в звуке [a]*».

[Касаткин 2005: 37; курсив наш. — *Е. Ш.*]

Между тем, против фонетического понимания аканья (особенно в вопросах, касающихся его возникновения) выступали Г. А. Хабургаев и П. С. Кузнецов:

«В настоящее время в русском языкознании под аканьем (в широком смысле) принято понимать неразличие гласных неверхнего подъёма в первом предударном слоге — *независимо от того, какие именно гласные произносятся в этой позиции в каждом конкретном диалекте*».

[Хабургаев 1965: 55; курсив наш — *Е. Ш.*]

«(П)од аканьем в современной диалектологии понимается не изменение *o* в *a* в безударном положении и не соответствие *a* в безударном положении *o* в ударном

положении, а неразличение или совпадение в безударном положении некоторых гласных, различающихся под ударением, в первую очередь *о* и *а*, совпадение же может осуществляться не только в *а*, но и в других гласных (...)

[Кузнецов 1964: 31; курсив наш — *Е. Ш.*]

Красноречивый пример, подтверждающий релевантность фонологического понимания аканья, представляет собой тип вокализма, распространённый в ряде говоров белорусского языка (западная часть Гомельской обл. и соседние с ней районы Брестской и Минской обл.), где совпадение фонем ⟨о⟩ и ⟨а⟩ происходит в звуке [o]: *в[o]dá*, *тр[o]vá*, — так называемый конотопский тип вокализма [Войтович 1968: 30—35; 1971: 85—86], который вполне справедливо было бы называть конотопским аканьем.

Впрочем, и сам Л. Л. Касаткин в том же учебнике на деле пользуется не своей — фонетической — дефиницией, а фонологической дефиницией Р. И. Аванесова, указывая, что при сильном аканье звук, появляющийся в первом предударном слоге, — это на самом деле не [a], а «несколько более закрытый» звук [a̠] ([a^b], [a^o]) [Касаткин 2005: 37].

Другое отличие определения Л. Л. Касаткина от определения Р. И. Аванесова состоит в том, что Л. Л. Касаткин конкретизирует, какие именно гласные фонемы неверхнего подъёма нейтрализуются в безударных слогах после твёрдых согласных при аканье в узком смысле: это только фонемы ⟨о⟩ и ⟨а⟩. Действительно, в большинстве случаев речь идёт о совпадении именно этих двух фонем, но в безударных слогах после твёрдых согласных бывают и

другие фонемы неверхнего подъёма — ⟨e⟩, ⟨ô⟩¹, и неясно, зачем ограничивать дефинитивный список лишь двумя, пусть и самыми частотными.²

Симметричным образом отличается от определения Р. И. Аванесова и то определение, которое Л. Л. Касаткин предлагает для оканья:

«Оканье в широком смысле — различие в безударных слогах хотя бы части гласных фонем неверхнего подъёма. Оканье в узком смысле — различие в безударных слогах после твёрдых согласных фонем /o/ и /a/, произношение безударного звука [o] на месте /o/ (и /ω/) и звука [a] на месте /a/».

[Касаткин 2005: 36—37]

В этом определении представляется правомерным указание на то, что ⟨ô⟩ не берётся в расчёт для констатации оканья, поскольку в безударных слогах оно совпадает с ⟨o⟩ в

¹ Можно было бы возразить на это, что ⟨ô⟩ не бывает в безударных слогах, потому что оно возникало из *o лишь под (автономным) ударением. Однако с точки зрения синхронной (московской) фонологии это не мешает ему существовать и в безударных слогах: например, в слове *кот* ⟨кѳт⟩ ⟨ô⟩ как фонема сохраняется и в формах косвенных падежей, т. е. ⟨кѳтá⟩, ⟨кѳтý⟩ и т. д. Что касается ⟨e⟩, то оно в безударных слогах после твёрдых согласных может существовать в диалекте только в словах, заимствованных из литературного языка и потому часто составляющих отдельную фонетическую подсистему.

² При этом на стр. 51 того же учебника в перечне нейтрализующихся при аканье и различающихся при оканье фонем называются уже три фонемы: ⟨o⟩, ⟨e⟩ и ⟨a⟩ [Касаткин 2005: 51].

любых говорах — как окающих, так и акающих.³ Но замечание по поводу обязательного произношения [o] на месте ⟨o⟩ и [a] на месте ⟨a⟩ при оканье (заставляющее и здесь говорить не о фонологическом, а о фонетическом понимании оканья) кажется чересчур категоричным: ведь существуют говоры, где на месте ⟨o⟩ звучит [ъ] при [a] на месте ⟨a⟩ [Пауфошима 1967], и таким образом эти фонемы различаются; едва ли стоило бы считать подобные говоры неокающими из-за того, что там не произносится [o] на месте ⟨o⟩. Кроме того, в некоторых северных говорах на месте ⟨o⟩ в безударных слогах представлен более закрытый гласный, чем в ударных (т. е. фактически не [o], а [ô]).

Таким образом, из определений Л. Л. Касаткина [2005] и Р. И. Аванесова [1949] определения Р. И. Аванесова представляются более адекватными.

Известно, что в большинстве современных акающих говоров после твёрдых согласных представлена одна модель вокализма, а после мягких — другая. Тем самым, в системе одного говора возможно и сосуществование оканья и аканья, причём в четырёх различных комбинациях:

1. Оканье после твёрдых и после мягких;
2. Оканье после твёрдых, аканье после мягких;
3. Аканье после твёрдых, оканье после мягких;
4. Аканье после твёрдых и после мягких.

³ С другой стороны, в новейшей работе Л. Л. Касаткин указал на существование и таких говоров (в частности, в Харовском р-не Вологодской обл.), где ⟨o⟩ и ⟨ô⟩ могут различаться и в безударных слогах [Касаткин 2007]. Вряд ли, однако, этот факт должен привести к пересмотру определения оканья.

Наличие систем 1 и 4 типа не вызывает сомнений, тогда как о существовании систем типа 2 и 3 можно лишь подозревать, опираясь на общие системные соображения: описания таких систем имеются, но о них не принято говорить как о системах с сосуществованием оканья и аканья.⁴ Они распространены относительно широко, но часто в описаниях из-за нестрогого следования базовым определениям, данным Р. И. Аванесовым, их относят соответственно к первому либо к четвёртому типам.

Кратко охарактеризуем каждый из четырёх названных типов.

I. Различение хотя бы части гласных неверхнего подъёма как после твёрдых, так и после мягких согласных; такую систему можно называть **абсолютным оканьем**. Известен ряд разновидностей абсолютного оканья, различающихся количеством противопоставленных гласных фонем в первом предударном слоге после мягких согласных [см. Строганова 1964: 42—43]. Для констатации в говоре абсолютного оканья достаточно показать, что хотя бы часть гласных неверхнего подъёма в положении после мягких согласных в первом предударном слоге различается — в противном случае перед нами система типа 2. Абсолютное

⁴ Зато принято говорить это о так называемых системах переходного типа — оканье с ассимилятивным аканьем, аканье с ассимилятивным оканьем, гдовском и полновском оканье. Между тем, структурное различие между, например, гдовским оканьем и системой типа «аканье после твёрдых, оканье после мягких» не столь велико: и там, и там соблюдается принцип различения в одной позиции и не соблюдается в другой.

оканье наблюдается в большом числе говоров северного наречия русского языка и некоторых среднерусских говорах.

II. Различение предударных гласных фонем неверхнего подъёма после твёрдых согласных при их совпадении после мягких, где они обычно нейтрализуются в звуке [e]. Это так называемое еканье, известное в некоторых северных и среднерусских говорах [Строганова 1964: 42—44]. Поскольку еканье — разновидность аканья, постольку системы этого типа характеризуются сосуществованием в них оканья (после твёрдых) и аканья (после мягких), и относить их к оканью [Строганова 1964: 43], в строгом смысле слова не вполне корректно. Предлагаем такую систему называть **частичным оканьем**.

III. Совпадение гласных неверхнего подъёма после твёрдых согласных при их (хотя бы частичном) различении после мягких. Этот случай необходимо рассмотреть подробнее.

В среднерусских говорах выделяется четыре разновидности умеренного яканья. Первая из них (не имеющая собственного названия) характеризуется произношением [’а] на месте всех гласных неверхнего подъёма в первом предударном слоге перед твёрдым согласным и [’и] — перед мягким. В остальных трёх типах (тороповском, новороссийском и соколовском [см. Сидоров 1966]) реализация гласной фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге зависит не только от твёрдости / мягкости следующего согласного, но и от того, какая это фонема:

- в тороповском типе ⟨'а⟩ всегда реализуется как [’а],
- в соколовском, напротив, ⟨'а⟩ всегда реализуется как [’и],
- в новороссийском возможна реализация ⟨ê⟩ как [’и] не только перед мягким, но и перед твёрдым согласным.

Следовательно, в тороповском, новороссийском и соколовском типах умеренного яканья сохраняются реликты различения гласных, так что к аканью (а яканье — разновидность аканья) их относить нельзя. Тороповский, новороссийский и соколовский типы в полном соответствии с указаниями Р. И. Аванесова должны быть отнесены к оканью. Говоры этого типа, таким образом, сочетают в себе аканье после твёрдых и оканье после мягких согласных. Представляется, что именно наличие аканья после твёрдых и помешало открывателям этих типов — В. Н. Сидорову и И. А. Оссовецкому — признать их типами оканья, а не аканья, хотя как раз на базе оканья (точнее, севернорусского ёканья) они, согласно В. Н. Сидорову, и возникли.

Ещё один пример системы третьего типа обнаружил В. Н. Чекмонас в говоре д. Тешевицы Псковского р-на Псковской обл., назвав отмеченный им там тип вокализма тешевицким яканьем. В говоре д. Тешевицы и ряда соседних населённых пунктов

«функционирует система предударного вокализма, характеризующаяся сильным аканьем и яканьем во всех предударных слогах, кроме слога перед последующим ударным [é], где исконное *е обычно реализуется как [и], а иногда сохраняется».

[Чекмонас 2001: 49]

В тешевицком вокализме различие гласных предстаёт в ещё более редуцированном виде, чем в тороповском, новороссийском и соколовском, но оно всё-таки есть. В. Н. Чекмонас, так же как и В. Н. Сидоров и И. А. Оссовецкий, называет тешевицкий тип вокализма яканьем, и, вероятно, по той же самой причине: по причине наличия сильного аканья после твёрдых согласных в той же системе. Таким образом, квалификация вокализма после мягких согласных производится на основании данных вокализма после твёрдых согласных. Это на первый взгляд странное решение представляется нам вполне симптоматичным, см. об этом ниже.

Системы, подобные тороповскому, новороссийскому, соколовскому и тешевицкому яканьям можно назвать **частичным аканьем**, не упуская при этом из виду, что с формальной точки зрения они относятся к оканью.

С некоторой натяжкой можно считать систему третьего типа возможной и в русском литературном языке, где после морфонологически мягких шипящих и [ц] в современной произносительной норме могут различаться ⟨о⟩ и ⟨а⟩, ср. ж[ыʲ]на́, ж[а]ра́. Есть в литературном языке и элементы оканья после твёрдых: в первом предударном слоге различаются репрезентанты ⟨о⟩ и ⟨а⟩, с одной стороны, и ⟨е⟩ — с другой, ср. в[а]да́, тр[а]ва́ vs. фон[ыʲ]ти́ческий.

IV. Совпадение всех гласных неверхнего подъёма и после твёрдых, и после мягких согласных; по аналогии с типом 1 назовём такую систему **абсолютным аканьем**. Сюда относятся все известные типы сильного, диссимилятивного аканья и яканья, ассимилятивно-

диссимилятивного яканья и «обычное» умеренное яканье (также и его подтипы: сильное еканье, катагощинское яканье и пр.).

Что касается соотношения терминов *абсолютное/частичное оканье/аканье* с традиционными терминами *оканье/аканье в широком/узком смысле*, то, как известно, *оканье/аканье в узком смысле* — это различение/неразличение гласных фонем неверхнего подъёма в безударных слогах после твёрдых согласных; что при этом происходит в безударных слогах после мягких согласных, в определении не уточняется — видимо, это не имеет значения. С другой стороны, в определении *оканья/аканья в широком смысле* вообще ничего не говорится про позиции после твёрдых/мягких согласных, из чего должно следовать, что в случае *оканья* достаточно различения хотя бы в одной из этих позиций, а в случае *аканья* в обеих этих позициях должна быть нейтрализация. В реальности, однако, значимой для квалификации той или иной системы как *окающей/акающей* признают только позицию после твёрдых согласных: как показано выше, системы с *аканьем* после мягких относят к *оканью*, а с *оканьем* после мягких — к *аканью*. Иначе говоря, понятия *оканья/аканья в широком смысле* оказываются в диалектологии вообще не используемыми, и всякое употребление терминов *оканье/аканье* по умолчанию означает именно *оканье/аканье в узком смысле* — независимо от того, идёт ли речь о вокализме после твёрдых или после мягких согласных. Но эти понятия, как уже было

отмечено выше, не являются достаточно конкретными, поскольку о системе безударного вокализма после мягких согласных они ничего не сообщают. Напротив, понятия *абсолютное/частичное оканье/аканье* вполне однозначны и информативны. Отметим также, что частичное аканье, при котором отсутствует нейтрализация после мягких согласных, всё же названо нами аканьем хотя и условно, но вполне сознательно, так как после твёрдых нейтрализация есть, а тип вокализма после твёрдых согласных при квалификации безударного вокализма вообще имеет приоритет.

С другой стороны, в диалектологических описаниях установилась традиция рассматривать системы вокализма после твёрдых согласных и после мягких согласных отдельно, и в этих условиях не обойтись без термина, обозначающего наличие/отсутствие нейтрализации гласных верхнего подъёма в одной из этих позиций вне зависимости от наличия/отсутствия этой нейтрализации в другой. Применительно к аканью принято противопоставлять аканье (в узком смысле; после твёрдых) иканью, еканью и яканью (после мягких) в большом числе разновидностей [Аванесов 1949: 62]. В дальнейшем в данной работе мы будем следовать этой традиции.

Итак, вместо терминов *оканье/аканье в широком смысле* при описании безударного вокализма в целом можно употреблять более конкретные понятия абсолютного/частичного оканья/аканья, а для отдельного рассмотрения ситуации после твёрдых и после мягких согласных использовать традиционную номенклатуру.

		нейтрализация гласных фонем неверхнего подъёма	
		после твёрдых согл.	после мягких согл.
оканье	в широком смысле	-(+)	-(+)
	в узком смысле	-	+/-
	абсолютное	-	-
	частичное	-	+
аканье	в широком смысле	+	+
	в узком смысле	+	+/-
	абсолютное	+	+
	частичное	+	-

Наконец, следует отметить и тот факт, что подчас словами *оканье/аканье* обозначается различие либо нейтрализация гласных вообще в любой позиции — например, в слоге перед тем или иным ударным гласным. Это касается четырёх моделей вокализма, которые принято называть «переходными от оканья к аканью»: при оканье с ассимилятивным аканьем аканье наблюдается перед ударным [á], оканье — перед прочими ударными гласными; при аканье с ассимилятивным оканьем перед ударным [ó] имеет место оканье, перед прочими ударными гласными — аканье⁵; при полновском оканье аканье фиксируется перед ударными гласными верхнего подъёма [í], [ý], [ú], оканье — перед прочими ударными гласными; наконец, при гдовском оканье аканье наблюдается перед ударными гласными верхнего и нижнего подъёма [í], [ý], [ú], [á], перед

⁵ Название «аканье с ассимилятивным оканьем» кажется не вполне удачным: обычно ассимиляция ведёт к нейтрализации фонем, здесь же предполагается, что она, наоборот, ей препятствует. Представляется, что называть такое явление ассимиляцией едва ли правомерно.

ударными гласными среднего подъёма [é], [ó] — оканье [Касаткин 2005: 51—52].⁶ Таким образом, термины *оканье/аканье* могут означать и просто нейтрализацию гласных неверхнего подъёма, в какой бы позиции она ни осуществлялась.

При изучении безударного вокализма русских диалектов, характеризующихся аканьем, основное внимание сосредоточивают обычно не на всех безударных слогах, а лишь на первом предударном слоге. Законы реализации гласных фонем в первом предударном слоге другие, нежели в прочих безударных слогах (применительно к современному русскому литературному языку иногда говорят поэтому о двух степенях редукции гласных, см., например, [Акишина, Барановская 1980: 94—95]), системы безударного вокализма в первом предударном слоге документированы и изучены гораздо лучше и составляют одно из основных диалектных различий в русском языке.⁷ Противопоставление ударного и первого предударного слогов всем прочим безударным по длительности и характеру реализации гласных фонем является яркой типологической особенностью русского языка, такое единство ударного и предударного слогов называют *просодическим ядром* слова [Кодзасов 1999]. В

⁶ Интересно, что в других описаниях гдовский и полновский типы вокализма называют гдовским и полновским аканьем [Строганова 1973: 66—68].

⁷ Разумеется, это не значит, что вокализм прочих безударных слогов не изучался вовсе: см., например, о заударных слогах [Теплова 1981] и другие работы В. Н. Тепловой; о 2-м предударном слоге [Строганова 1977].

дальнейшем в настоящей работе также будет рассматриваться только вокализм первого предударного слога, причем только такие системы вокализма, где реализация гласных фонем неверхнего подъёма обусловлена исключительно фонетическими факторами и не осложнена факторами лексическими и/или грамматическими (см. о системах, в которых предполагается наличие системной лексикализации и морфологизации, [Захарова 1971] и другие работы К. Ф. Захаровой), и одновременно при этом подчинена действию фонологических (лингвистических) правил, а не коартикуляционных закономерностей (см. о противопоставлении фонетических процессов и фонологических правил [Князев 2001а]).

§ 2. Рабочее определение аканья.

Завершить настоящую главу целесообразно дефиницией аканья, которая принимается в качестве рабочей: фактически это определение того явления, которое изучается в данной работе; при этом некоторые аспекты проблемы аканья остаются за рамками рассмотрения (как то: реликты различения гласных, вокализм прочих безударных слогов, кроме первого предударного, морфологизация и лексикализация фонологических явлений в акающих говорах и т. д.). Под **аканьем** в данной работе понимаются различные типы нейтрализации всех гласных фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге как после твёрдых, так и после мягких согласных, происходящей в результате действия фонологических правил. Последний пункт определения, касающийся фонологических правил, остался в данной главе раскрытым лишь конспективно; во второй главе он будет рассмотрен с диахронической точки зрения.

**ГЛАВА II. ФОНОЛОГИЗАЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ
ЗАКОНОМЕРНОСТИ КАК ДИАХРОНИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ
ГЕНЕЗИСА АКАНЬЯ**

**§ 1. Генезис диссимилятивного аканья:
фонологизация в ударном слоге.**

Одной из особенностей ряда говоров южнорусского наречия является диссимилятивное аканье — такой тип вокализма в первом предударном слоге после парных твёрдых согласных, при котором фонетическая реализация гласных фонем неверхнего подъёма определяется качеством (а в некоторых случаях — этимологией) гласного ударного слога. Надёжно выделяются и многократно описаны два типа такого аканья: архаический (обоянский) и жиздринский (белорусский) (см. табл. 1).

Табл. 1. Архаический и жиздринский типы диссимилятивного аканья.

архаический		жиздринский	
предударный гласный	ударный гласный	предударный гласный	ударный гласный
а	и ы у ê ô	а	и ы у ê ô
ь	е о а		е о
		ь	а

Системные соображения позволяют предположить существование и третьего типа диссимилятивного аканья (табл. 2).

Табл. 2. Третий потенциально возможный тип диссимилятивного аканья.

предударный гласный	ударный гласный
а	и ы у
ь	ê ô е о а

Однако вопрос о его действительном наличии в современных говорах или предшествовавших им системах до сих пор нельзя считать окончательно прояснённым:

«В современных говорах в „чистом“ виде этот вокализм не отмечен. Существование такой системы можно предполагать (по недостаточно достоверным материалам) в нескольких населенных пунктах на территории Прохоровского, Боброво-Дворского, Чернянского и Волоконовского районов Белгородской области».

[Строганова 1964: 39; 1973: 50]

Сравнительно недавно в научный оборот были введены тексты из с. Бояновичи Хвастовичского р-на Калужской обл., где предполагается наличие подобного типа вокализма, который предложено называть *прохоровским* [Касаткина (ред.) 1999: 46]; в литературе встречается по отношению к этому типу и название *донской*, по аналогии с соответствующим типом яканья [Колесов 1998: 63].¹ Однако полного соответствия третьему типу диссимилятивного аканья в опубликованных текстах не наблюдается: в сопровождающей их транскрипции отмечаются

¹ А также *белгородский* [Crosswhite 2000b: 123—124].

многочисленные отступления от этого типа ([рд'йм'ин'к'и], [үәwәр'ý], [нэ блжн'йцу], [пллжб'ль], [таб'э], [наwэ'рнъ], [нэ картóху], [жирадрóм], [пашлá], [кал'йáск'и] и т. п.; сплошной инструментальный анализ позволяет обнаружить гораздо большее их количество), а для обозначения всех возможных гласных в первом предударном слоге от [э] до [а] включительно используются пять разных символов.

Не решён вопрос и о возможном происхождении прохоровского аканья. Р. И. Аванесов предполагал, что этот тип

«может быть объяснён отходом диссимилятивного аканья белорусского типа, а также, возможно, влиянием соседних украинских говоров»

[Аванесов 1974: 146];

согласно В. В. Колесову, он вторичен по отношению к донскому яканью и развился по аналогии с ним [Колесов 1998: 63].

В истории русского языка компенсаторная диссимиляция гласных первого предударного и ударного слогов изначально осуществлялась по длительности: перед долгим ударным произносился краткий предударный и наоборот. Эта идея впервые была сформулирована О. Броком в 1916 г.:

«Мена съхá: сахú, ш́istrá: шаstrý, по-видимому, связана сначала с отношениями долготы в ударяемом и предшествующем слогах <...> Можно предположить, что появление „ǫ“: „ā“ (а) зависело сначала от долготы следующего, ударяемого гласного <...>. С первоначальными количественными отношениями общеславянской и

общерусской эпох эти ударяемые долготы: краткости не имеют, по-видимому, никакой прямой связи. Они выросли, напротив, по исчезновении старших, этимологических количественных отношений. За то обзор говоров, интересующих нас в данном вопросе, показывает, что ударяемому а правильно предшествует ъ, т. е. краткость, ударяемым же і, и, у, т. е. гласным высокого образования, так же правильно предшествует а, т. е. долгота. Заключаю из этого, что речь идёт о количестве „натурой“; á было натурой „долгим“, í и пр. натурой „краткими“ гласными. Можно предположить, что такая разница зависит от того признанного явления, что при обстоятельствах, в остальном тождественных, гласный вообще тем длиннее, чем его образование шире».

[Брок 1916: 57—59]

Действительно, из общей фонетики известно свойство гласного быть тем длительнее, чем ниже его подъём — так, в среднем, при прочих равных условиях, в современном русском литературном языке собственная длительность ударных гласных верхнего подъема ([и], [ы], [у]) составляет около 75 %, а длительность ударных гласных среднего подъема ([е], [о]) — около 90 % от длительности ударного гласного нижнего подъема [а] [Кузнецов, Отт 1989: 68]. Таким образом, в говорах с диссимилятивным аканьем перед самым долгим гласным, ударным [á], выступает краткий [ъ] (после мягких согласных — [’ъ], [’и]), перед самыми краткими ударными [í Ы́ ú] — долгий [а]; гласные среднего и средне-верхнего подъёма по долготе занимают промежуточное положение и сейчас могут выступать либо

как «функционально долгие», либо как «функционально краткие», требуя в зависимости от этого в предшествующем слоге либо [ъ], либо [а]. Сам О. Брок позднее счёл убедительными доводы А. А. Шахматова [1915: 331—343], который для всех акающих говоров считал исходным архаический (обоянский) тип диссимилятивного аканья и яканья ²:

«Уже во время печатания настоящего труда я получил Выпуск 11.1 Энциклопедии славянской филологии, в котором Шахматов развивает свои широкие, в высшей степени интересные соображения о всех тех количественных и других явлениях, в которые здесь описываемые отношения входят как частичное развитие.

² Следует иметь в виду, что в начале XX в., когда работали О. Брок, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, различные типы диссимилятивного аканья после твёрдых согласных в русских говорах ещё не были описаны, известен был лишь белорусский тип (открытый А. А. Шахматовым [1896: 65]); названные учёные, следовательно, могли при построении своих гипотез основываться лишь на данных о различных моделях диссимилятивного яканья, которые были известны лучше. Ср.: «По имеющимся записям диалектологических матерьялов и описаниям говоров эти изменения (совпадение *ô* и *o*, *ê* и *e* — *Е. III.*) можно проследить только на произношении предударных гласных после мягких, так как после твёрдых диссимилятивность в большей части ю.-в.-р. говоров или утрачена, или не отмечена наблюдателями (...) относительно сохранения диссимилятивности после твёрдых в таких говорах имеющиеся сведения не достаточны» [Дурново 1969: 157]; «несомненно (...), что диссимилятивное аканье, бывшее раньше, во многих говорах утрачено» [Дурново 2000: 82]. Архаический тип диссимилятивного аканья был открыт Т. Ю. Строгановой в 50-е гг. XX в. [Строганова 1955].

Под влиянием его доводов мои мнения должны более или менее изменяться; разные вопросы у меня поставлены вообще слишком узко; но переменить все мое изложение, к сожалению, невозможно; потому оставляю его нетронутым».

[Брок 1916: 61]

Впрочем, в работах О. Брока нет никаких указаний на то, что он считал первичным именно диссимилятивное аканье, более того, его гипотеза — в отличие от концепции А. А. Шахматова — не требует этого допущения в обязательном порядке. Мы, таким образом, придерживаемся точки зрения, согласно которой первичным является недиссимилятивное аканье — именно из него непротиворечиво и без дополнительных допущений выводятся все известные в настоящее время модели акающего вокализма как после твердых, так и после мягких согласных [Князев 2000; 2001; 2003; 2006: 142—182; Князев, Пожарицкая 2002].³

«(М)ожно предположить, что в процессе формирования количественно-динамического ударения все ударные гласные определенным образом (в первую очередь, по длительности) оказались противопоставлены гласным безударных слогов. Удлинение гласных под ударением вело к сокращению безударных гласных и редукции их до степени [ъ] ([’ъ]), в особенности — тех гласных, которые

³ Ю. С. Кудрявцев в небольшой статье 1998 г., опираясь преимущественно на лингвогеографические данные, пришёл к частично сходным выводам о происхождении аканья; он также учитывал и идеи О. Брока [Кудрявцев 1998].

находились перед ударными — точно так же, как сокращались сверхкраткие ъ и ь в позиции перед гласными полного образования в эпоху падения редуцированных. ⟨...⟩ При этом сокращению обычно подвергались все гласные, кроме самых кратких, каковыми являлись гласные верхнего подъема».

[Князев 2006: 158]

«⟨Г⟩ласные высокие, і и у, сохранились ⟨...⟩. Гласные же со средним и низким положением языка распались на две группы, в зависимости от положения после твердого или мягкого согласного. Нужно предположить, что разные гласные внутри каждой из этих групп все сливались в свое время в предударном слоге в одну и ту же „редуцированную“ гласную артикуляцию, после твердого согласного в задний, а после мягкого согласного в передний „иррациональный“ оттенок — т. е. в какие-то „ъ“ и „ь“, представлявшие относительные гласные положения безразличности. Первоначальная разница между гласными внутри этих групп (а, о — 'е, 'ѣ, 'а, 'о) таким образом исчезла совсем; зато развилась новая разница внутри каждой группы, но уже в зависимости от гласного следующего, ударяемого слога ⟨...⟩ в зависимости от количества его».

[Брок 1916: 26]

Эта зависимость изначально представляла собой чисто фонетическую коартикуляционную закономерность и лишь

позднее была разными способами фонологизирована ⁴ в некоторых акающих говорах.

Итак, первичная акающая модель вокализма должна была характеризоваться произношением нейтрального звука «положения безразличности» типа [ъ] ([’ъ]) в первом предударном слоге на месте всех гласных фонем неверхнего подъёма. В этой системе длительность гласного в первом предударном слоге, вероятно, равномерно убывала с понижением подъёма ударного гласного (т. е. увеличением его собственной длительности). В современных говорах подобной модели вокализма до сих пор описано не было. Собственно, процесс фонологизации такой квантитативной зависимости мы понимаем как процесс установления чёткой границы (будем называть её линией фонологизации) между ударными гласными разного подъёма, соответствующей их «функциональной долготе / краткости». Гласные стандартного вокалического трапецоида разделяются, таким образом, на два класса: те, что выше линии фонологизации — «функционально краткие», те, что ниже — «функционально долгие». ⁵ Постепенность и

⁴ Под фонологизацией в данном случае мы имеем в виду превращение живого фонетического процесса в лингвистическое правило, а не появление каких бы то ни было новых фонологических единиц. О противопоставлении фонетических явлений и лингвистических правил см. [Князев 2001a].

⁵ Речь здесь идет именно о «функциональной» долготе / краткости, т. к. в современных говорах с диссимилятивным аканьем (в широком смысле) ударные гласные разной длительности (resp. подъёма) могут обуславливать появление в первом предударном слоге одного и того же

равномерность убывания длительности предударного гласного уступает место резко выраженному противопоставлению долгих и кратких. В говорах с жиздринским аканьем линия фонологизации прошла между нижним и средним подъёмами, в говорах с архаическим — между средним и средне-верхним.⁶ При этом различия между долгим и кратким гласными первого предударного слога [а] и [ъ] в этих говорах разительны, а изменение от одного гласного к другому происходит скачкообразно:

гласного: в частности, именно так устроены «косые» типы яканья, см. прим. 6.

⁶ Мы называем системы, подобные архаическому или жиздринскому аканью (яканью), «прямыми», т. к. граница между подъёмами в зоне переднего ряда проходит там же, где и в зоне непереднего ряда. Существуют и «косые» системы, характеризующие, например, дмитриевский или мосальский типы диссимилятивного яканья: в говорах с дмитриевским яканьем линия фонологизации в зоне переднего ряда проходит между средне-верхним и верхним подъёмом, а в зоне непереднего — между средним и средне-верхним; в говорах с мосальским типом — соответственно между средне-верхним и верхним в зоне переднего ряда, нижним и средним — в зоне непереднего. К. Судзуки называет «прямые» типы симметричными, а «косые» — асимметричными [Suzuki 1998: 169—170].

«⟨В⟩о всех системах, где диссимилятивное аканье — живое явление ⟨...⟩, наблюдается довольно последовательное и чёткое противопоставление звучаний гласных на месте этимологических *o—a* перед двумя указанными типами ударенных гласных: нижнего подъёма (и действующими на предударный вокализм аналогично) и верхнего подъёма (и действующими на предударный вокализм аналогично)».

[Сталькова 1973: 76]

Показательно, что, по данным С. С. Высотского, длительность всех гласных, воплощающих звукотип не-[а] перед функционально долгим ударным гласным при диссимилятивном аканье, примерно одинакова и при этом меньше длительности [а] перед функционально кратким:

«Длительность гласного первого предударного слога *ъ, ь^{bl}* ⟨...⟩ не отличается от длительности гласных ненижнего подъёма в этой же позиции — *ы, у, э, (э^{bl}), л, л^y, л^o* (встречаемых в ф(онетических) словах при диссимилятивном аканье)».

[Высотский 1973: 37]

Приведём в качестве примера данные о качестве⁷ и длительности ударного и первого предударного гласного в зависимости от подъёма ударного⁸ в говоре д. Губарёво

⁷ Подъёму гласного соответствует в первую очередь положение F_1 , а значение F_2 , обычно связываемое с признаком ряда, в значительной степени зависит от консонантного контекста.

⁸ Без учёта редуцированных служебных слов и слов с интонационным продлением гласных. Измерения производились при помощи компьютерной программы Speech Analyzer Ver. 1.5; ниже в таблицах 3, 5 и 6 приводятся среднеарифметические значения.

Семилуцкого р-на Воронежской обл.⁹, где жиздринское аканье сочетается с донским яканьем (табл. 3).

Табл. 3. Жиздринское аканье и донское яканье в воронежском говоре.

ударный гласный параметры	верхнего подъёма	среднего подъёма	нижнего подъёма	верхнего подъёма	среднего подъёма	нижнего подъёма
	после твердых согласных			после мягких согласных		
длительность гласного 1-го предуд. слога, мс	112,6	96,2	65,0	147,1	60,1	81,4
длительность ударного гласного, мс	102,0	93,7	113,6	97,8	71,7	118,7
длительность гласного 1-го предуд. слога в % от длительности ударного	110	103	57	150	84	69
F ₁ гласного 1-го предуд. слога, Гц	859	844	564	726	369	373

Скачок в относительной длительности первого предударного гласного и в значении его F₁ наблюдается, таким образом, при пересечении линии фонологизации — границы между «функционально долгими» и «функционально краткими» гласными ударного слога.

Иная картина наблюдается после твёрдых согласных в калужском говоре¹⁰, вокализм которого был квалифицирован как прохоровское аканье (см. выше). Ниже в табл. 4¹¹

⁹ Текст № 39 в [Касаткина (ред.) 1999].

¹⁰ Текст № 8 в [Касаткина (ред.) 1999].

¹¹ Транскрипция текста, из которой взяты транскрипции интересующих нас слов, помещаемые в последнем столбце табл. 4, сделана нами самостоятельно, без опоры на транскрипцию публикаторов [Касаткина

приведены данные измерений частоты F_1 и F_2 гласного первого предударного слога и его длительности, а также длительности ударного гласного для всех слов, содержащих в первом предударном слоге гласные фонемы неверхнего подъёма после твёрдого согласного; в табл. 5 — среднеарифметические значения этих параметров.

Табл. 4. Формантная структура и длительность всех гласных первого предударного слога после твёрдых согласных на месте гласных фонем неверхнего подъёма в соотношении с длительностью ударных гласных разного подъёма в тексте из калужского говора.

F_1/F_2 , Гц	1 п/у, мс	уд., мс	
й́ы́у́			
507,3/1610,3	88	86	зеры́ут'
	91	119	засы́п'ут'
761,2/1712,7	71	95	тады́
659,5/1471,1	80	161	върау́уша
711,6/1250,6	62	101	маледу́ју

(ред.) 1999: 43—45], и потому иногда с ней не совпадает (знак [e] заимствован из Международного фонетического алфавита и употребляется в том же значении, что и в МФА; в транскрипции мы различаем, таким образом, три гласных звука среднего ряда неверхнего подъёма: [ъ e a]). Впрочем, мы в данном случае не полагаемся на свой слух и не придаём большого значения расхождениям в транскрипции, а делаем выводы исключительно на основании результатов инструментальных измерений. Если на месте данных о частоте формант в таблице оставлено пустое место, значит, измерение для данного слова оказалось технически невозможно; такие случаи при общих подсчётах не учитывались. Транскрипцию текста целиком см. в Приложении.

$F_1/F_2, Гц$	1 п/у, мс	уд., мс	
797,1/1520,8	70	90	пајдú
511,4/1704,3	60	113	схадíла
	91	70	у̑вар'íд'
643,3/1571,5	64	62	ад'íн
764,0/1814,9	61	70	пајдú
	83	68	р̑д'íм'ин'к'и
696,9/1911,9	73	97	рад'íм'ин'к'иј
563,7/1304,1	73	83	у̑ввр'ú
	76	103	апслúхъw
858,2/1795,5	79	85	ан'íск'и
603,5/1415,8	97	122	wдар'íла
810,8/2153,3	83	95	пр'ихад'í
659,6/1545,4	95	78	н'и забúду
665,3/1321,1	78	98	мьí
572,5/1331,3	99	97	вазл'úбл'инъи
620,7/1206,1	68	118	н̑бежн'íцу
743,0/1811,6	68	88	бл'иуад'íр
633,4/1915,3	70	110	ан'úтк'и
622,4/1285,1	77	65	п̑лежыль
599,6/1283,8	76	94	н̑б̑жн'íць
659,2/1713,4	66	66	к̑жú
673,4/1698,8	61	75	пр̑ст'ít'е
673,2/1779,3	95	68	к̑ды
446,6/1887,7	83	114	пау'íбл'и
470,9/1045,1	75	82	по wс'ím
576,0/1577,4	61	98	хад'ít'
518,3/1607,9	95	76	х̑ам'íл'јъ
642,7/1327,9	89	115	пач'úльс'
618,2/1612,7	83	79	бл'иуад'íр

$F_1/F_2, Гц$	1 п/у, мс	уд., мс	
888,4/1314,1	90	167	бълајун
656,8/1730,0	50	66	уѣвѣр'у
704,7/1483,4	76	91	аны
586,8/1287,7	68	117	бабул'а
846,8/1670,7	98	234	бл'иуад'ир
ѐó			
	78	113	рѣботѣт'
	63	94	рѣботка
≈250/≈750	52	131	нѣ рѣбот'н'ик
628,3/1788,6	65	92	теб'ѐ
505,4/1457,8	60	150	н'икѣкóуѣ
628,2/1846,2	50	70	тѣб'ѐ
725,3/1698,2	66	85	нев'ѣрнѣ
≈600/≈1500	50	62	тоб'ѐ
	63	53	тѣб'ѐ
540,1/1350,9	92	108	не ребóту
419,9/1764,3	99	97	нев'ѣрнѣ
859,3/1773,5	67	105	нев'ѣрнѣ
635,4/1631,2	69	139	нѣ рѣботу
659,0/1659,8	65	101(79?)	не дѣрóи
554,5/1528,2	81	61	ч'илов'ѣк
≈500/1599,2	71	89	тоб'ѐ
894,2/1109,0	66	125	па хл'ѣп
818,7/1373,4	85	104	нев'ѣрнѣ
ѐó			
659,1/1319,1	71	170	колхóз
491,0/1559,0	63	91	рѣзóч'иг
751,1/1530,6	56	131	зѣлетѣнај
	76	104	даѣѣт'

$F_1/F_2, Гц$	1 п/у, мс	уд., мс	
601,4/2013,8	70	143	падъјд'ѐд'
539,8/1847,0	44	52	тѣкѡј-тѣ
	36	117	вкѡшкѣ
689,1/1501,4	67	118	нѣ кѣртѡху
580,1/1615,2	97	159	нѣ иредрѡм
545,3/1532,0	49	112	нѡ кѣкѡј
483,7/969,1	79	139	ирѣдрѡм
676,4/1447,1	98	116	зѣлетѡј
536,1/1526,8	72	108	кѣкѡи-тѣ
	93	76?	јирадрѡм
805,3/1604,6	96	182	нѡ кѣртѡху
614,8/1648,0	107	97	нѡ иредрѡм
	58	69	нѣ кѡј жѣ
620,2/1658,1	48	106	ирадрѡм
711,9/1846,3	98	109	ирадрѡм
622,4/1614,7	90	115	нѣ ирадрѡм
á			

$F_1/F_2, \text{Гц}$	1 п/у, мс	уд., мс	
615,3/1211,2	50	175	прър'ьпътáла
887,6/1632,2	64	125	па-нашъму
785,2/1672,0	197		свъá
	69	78	(к) ^в днá
596,3/1464,9	73	103	тoвáркъ
610,2/1844,9	85	125	дъwáт'
526,1/1420,3	75	104	дъвá(д')
≈750/1374,4	56	117	кърмáн
551,9/1446,2	73	88	с тъwáрк'иј
	84	202	тедá
831,6/1579,1	64	147	пашлá
620,0/1428,0	59	91	съмá
498,3/1165,5	53	140	н'и wyұwáр'въу
549,3/1163,1	62	127	н'и wyұwáр'въу
619,9/1686,5	65	153	нъ нър'áт
696,5/1501,3	69	106	пъдáйт'ъ
690,3/1678,5	55	118	пъдáј
613,3/1724,3	49	172	къл'áск'и
727,7/1211,2	68	148	педáw
	62	85	съмá
	60	103	с нъч'áт'ја
701,1/1464,3	73	97	скезáw
600,8/1173,6	50	71	пъ двърáм
550,7/1673,2	96	113	ръскъзáт'
628,3/1906,9	50	98	тъкáи-тъ

Табл. 5. Вокализм первого предударного слога после твёрдых согласных в калужском говоре.

ударный гласный параметры	верхнего подъёма	средне- верхнего подъёма	среднего подъёма	нижнего подъёма
длительность гласного 1-го предуд. слога, мс	77,5	69,0	73,4	65,2
длительность ударного гласного, мс	97,8	98,8	115,7	120,3
длительность гласного 1-го предуд. слога в % от длительности ударного	79	70	63	54
F ₁ гласного 1-го предуд. слога, Гц	656	615	621	650

Приведенные в таблицах 4 и 5 данные позволяют утверждать, что в калужском говоре наблюдается принципиально иная картина по сравнению с воронежским. Качественные¹² и количественные различия гласных первого

¹² В отношении качества предударного гласного говору свойственна, как видно, довольно широкая вариативность. Обращают на себя внимание примеры с произношением [ъ] перед [й ё ү] и [а] перед [á], совершенно нехарактерным для систем с диссимилятивным аканьем. Оно может объясняться обнаруженными С. В. Кодзасовым явлениями «скрытой словесной просодии» [Кодзасов 1989, 1995, 1996]. В соответствии с этой концепцией, некоторым русским диалектам свойственна бинаризация просодических признаков, которые в литературном языке троичны, вследствие чего некоторые слова приобретают маркированное значение просодического признака, особым образом влияющее на реализацию фонем. В частности, произношение предударного гласного может зависеть от значения просодических признаков *завершение гласного* и *раствор гласного*: в исследованном С. В. Кодзасовым рязанском говоре ⟨е⟩ и ⟨а⟩ после мягких реализуются как [а], если они имеют медленный или нейтральный тип завершения, и как [и], если тип завершения быстрый

предударного слога незначительны, их изменения в зависимости от подъёма ударного гласного носят континуальный характер: относительная длительность первого предударного гласного постепенно уменьшается с понижением подъёма гласного ударного и никакой чёткой границы провести не удаётся, т. е. линия фонологизации отсутствует.

По-видимому, в том же смысле должно быть интерпретировано и следующее замечание Р. И. Аванесова:

«Наконец, можно отметить и такой тип диссимилятивного аканья, при котором „не-а“ (т.е. [ъ]) звучит перед слогом со всеми ударными гласными, кроме ⟨и⟩ и ⟨у⟩, а перед слогом с ⟨и⟩ и ⟨у⟩ звучит [а]. Этот тип, отмеченный на территории Белгородской области, почти не встречается самостоятельно, а в сосуществовании с основным белорусским типом диссимилятивного аканья».

[Аванесов 1974: 146]

Можно думать, что в данном говоре сохраняется наиболее архаическая разновидность диссимилятивного аканья — с ещё не фонологизованной континуальной зависимостью первого предударного гласного от длительности ударного. Такой тип диссимилятивного аканья может быть назван протодиссимилятивным.

Дополнительным аргументом в пользу подобной трактовки является тот факт, что аналогичная картина наблюдается в говоре с. Бояновичи и в позиции после мягких

[Кодзасов 2000]. Вполне вероятно, что нестандартная реализация гласных в калужском говоре также подчинена законам «скрытой просодии»; этот вопрос требует, впрочем, дальнейшего исследования.

согласных, где зафиксировано иканье — тип вокализма, не сочетающийся обычно с диссимилятивным аканьем в пределах одного говора (табл. 6.).

Табл. 6. Вокализм первого предударного слога после мягких согласных в калужском говоре.

ударный гласный параметры	верхнего подъёма	среднего подъёма ¹³	нижнего подъёма
длительность гласного 1-го предуд. слога, мс	80	88	74
длительность ударного гласного, мс	125	154	141
длительность гласного 1-го предуд. слога в % от длительности ударного	64	57	52
F ₁ гласного 1-го предуд. слога, Гц	479	440	462

Итак, протодиссимилятивное аканье можно считать начальной стадией развития говоров с разными типами диссимилятивного аканья. Поскольку мы исходим из предположения о том, что исходным типом вокализма для всех акающих говоров является недиссимилятивное аканье с

¹³ Слов с первым предударным гласным после мягкого согласного при ударном гласном средне-верхнего подъёма в тексте не встретилось, однако общая картина представляется достаточно ясной и без них. Мы хотели бы обратить внимание на то, что пятиминутного звучащего текста, коль скоро он включён в хрестоматию, должно быть вполне достаточно для определения модели вокализма, о чём красноречиво свидетельствуют данные инструментального обследования текста из воронежского говора, приведённые выше.

последующим развитием более или менее тесной¹⁴ связи между первым предударным и ударным гласным, т. е. формированием просодического ядра слова, то логично рассматривать протодиссимилятивный вокализм как промежуточный этап между недиссимилятивным и диссимилятивным. Вывод о его существовании в прошлом вытекает из развиваемой нами гипотезы; теперь же такая модель оказывается зафиксированной в современных говорах. Схема протодиссимилятивного аканья может быть представлена следующим образом (табл. 7; знаком α обозначается любой гласный от [a] до [ъ]).

Табл. 7. Протодиссимилятивное аканье.

предударный гласный	ударный гласный
α :	и ы у
α'	ê ô
α	е о
ǎ	а

¹⁴ В подавляющем большинстве акающих говоров присутствует протипопоставление ударного и первого предударного слогов, составляющих просодическое ядро слова, всем остальным безударным, но в говорах с диссимилятивным аканьем (яканьем) это противопоставление более выражено, связь между слогами просодического ядра сильнее. Попытка фонологической интерпретации (в терминах концепции Р. И. Аванесова 1956 г. [Аванесов 1956]) отношений гласных просодического ядра в некоторых говорах с диссимилятивным яканьем была предпринята в своё время М. В. Пановым [1972].

Очевидно, именно такая система была обнаружена С. С. Высотским в одном из говоров Дорогобужского р-на Смоленской обл.:

«Более тонкое различие наблюдается в предударном гласном, который неодинаков перед слогом с ударенным гласным верхнего и среднего подъёма. В первом случае образуется звучание открытого [a], с соответствующей „собственной длительностью“ (*саву́*); во втором случае встречается иная градация — [a̠], близкое к [ʌ] или даже подлинный звук ʌ (*саво́ц, слво́ц*). Перед ударенным [a] здесь нормально появляется звук [ъ] или его оттенок несколько повышенного (по подъёму) образования [ъ̠]».

[Высотский 1977: 56—57]

Хотя С. С. Высотский не привёл данных о соотношении количества гласных просодического ядра в этой системе, можно предполагать, что оно подобно описанному нами соотношению в калужском говоре.

В московском варианте русского литературного языка также наблюдается количественная зависимость предударного гласного от длительности ударного [Князев 2001: 36; Израелян 2003]¹⁵, однако в системах с недиссимилятивным аканьем эти количественные различия далеко не столь существенны: длительность предударного гласного перед ударным гласным верхнего подъёма

¹⁵ Позднее аналогичные данные были получены и Р. Ф. Касаткиной [2005], при том что ранее существование количественных отношений между ударным и предударным гласным в современном русском литературном языке ею отрицалось [Касаткина 1995].

превышает его длительность перед гласным нижнего подъема всего на 5—10 %.

Таким образом, на основании приведенных выше данных можно сделать вывод, что количественная диссимилиация гласных внутри просодического ядра в современных русских говорах может представлять собой как живой фонетический (коартикуляционный) процесс, так и — на более поздней ступени развития системы — фонологическое чередование.¹⁶ То же можно предполагать и в связи с явлением, в некотором смысле противоположным, — уподоблением гласных по качеству внутри просодического ядра. Так, Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель описаны говоры, в которых подобное уподобление предударного гласного ударному возможно не только после мягких согласных, но и после твёрдых [Касаткина, Щигель 1995]. Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель предложили считать этот тип вокализма ассимилятивно-

¹⁶ К. Ф. Захарова выделяет среди типов диссимильного яканья *фонетические* (фонетически закономерные, фонетически обусловленные), в которых «чередование гласных *a* и не-*a* на месте гласных неверхнего подъёма зависит только от качества ударенных гласных», и *нефонетические*, где «чередование гласных *a* и не-*a* в пределах одной морфемы перед ударенными гласными верхнего и неверхнего подъёмов не зависит от их качества и подъёма, а является чередованием фонем, имеющим грамматическое, а не фонетическое значение» [Захарова 1971: 3]. В нашей терминологии фонетические типы по К. Ф. Захаровой должны быть названы фонологизированными (см. прим. 5), тогда как нефонетические обязаны своим возникновением лексикализации / морфологизации фонологических чередований.

диссимилятивным аканьем на основе архаического диссимилятивного — по аналогии с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, широко распространенным в говорах Рязанской группы южного наречия. Однако в тех говорах, в которых предполагается наличие ассимилятивно-диссимилятивного аканья, произносится

«не только [a]-образный редуцированный гласный в положении перед ударным [á], но и лабиализованные редуцированные в положении перед ударным [ó], и упереднённые редуцированные в положении перед ударным [é] — таким образом, диссимиляция (количественная) в этих говорах является системным фактом, фонологическим (лингвистическим) правилом, а ассимиляция (качественная) — поверхностным, фонетическим (коартикуляционным) явлением (в отличие от юго-восточных говоров с „настоящим“ ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, где ассимиляция ([ъ] → [a] перед [á]) уже фонологизирована и является лингвистическим правилом). Это обстоятельство позволяет характеризовать исследованное Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель явление не как особую модель диссимилятивного аканья ⟨...⟩, а как факт межслоговой вокальной ассимиляции, широко известной не только большинству русских говоров (ср., например, в[’o]дú при в[’e]лá в севернорусских говорах [Касаткина 1996]), но и литературному языку — п[ъ°]утрú, п[ъ°]купáть, д[ъ°]кумéнт [Пауфошима 1980]».

[Князев 2001: 17—18]

§ 2. Фонологизация в предударном слоге: тип дистрибуции гласных при диссимилятивном и умеренном яканье.

Итак, формирование той или иной модели аканья означает установление линии фонологизации; это распределение всех гласных, возможных в ударном слоге, на функционально краткие и функционально длинные и, кроме того, упорядочение произношения гласных предударных, установление их дистрибуции.

Известно, что после мягких согласных в предударном слоге в акающих говорах может произноситься множество звуков от [а] до [и], в том числе [е]. При этом [а] перед функционально краткими звучит всегда, а перед функционально долгими может наблюдаться свободное варьирование [и] и [е] [Дурново 1969: 157]. На этом основании противопоставляют два предударных гласных звукотипа — *а* и *не-а*, [и] и [е] функционально приравниваются друг к другу и вместе противопоставляются гласному [а]:

«(П)ри всех типах яканья, кроме сильного, в одних позициях выступает [а], в других „не-а“ ⟨...⟩ это „не-а“ может звучать как [и] или [е] ⟨...⟩ „не-а“ может звучать также в целой гамме звуков между [е] и [и], приближающихся в большей или меньшей степени к [е] или [и], например: [е], [е^н], [и^е], [и]».

[Аванесов 1974: 154]

Описано большое количество говоров с указанным противопоставлением, которое, кстати, касается не только

диссимилятивного (и ассимилятивно-диссимилятивного) яканья, но и умеренного — с тем отличием, что при умеренном яканье имеет значение не функциональная долгота / краткость ударного гласного, а твёрдость / мягкость согласного, следующего за предударным гласным ¹⁷ (хотя исходно, вероятно, и в случае умеренного яканья могла играть роль длительность ударного гласного [Князев, Пожарицкая 2002]).

Имеются, однако, свидетельства и о другом поведении предударного [e], а именно о его функциональном тождестве не с [и], а с [a]. Ещё О. Брок указывал на возможность произношения [e] наряду с [a] в первом предударном слоге в описанном им говоре с. Ивонино [Брок 1916: 29]; аналогичные явления в говорах Белгородской области отмечала и К. Ф. Захарова, относя их к «случаям отступления», характерным для «разрушения типа обоянского яканья»:

«Трудно объяснить те случаи отступлений, когда в 1-м предударном слоге выступает гласная e. Более определённо о них можно сказать только то, что они не связаны с системой вокализма, исконной для этих говоров. Так как гласная e в 1-м предударном слоге произносится как перед твёрдыми, так и перед мягкими согласными только при ударенных гласных верхнего подъёма ⟨...⟩, то её можно

¹⁷ Впрочем, и здесь имеет смысл в некоторых случаях говорить не о фактической, а о функциональной твёрдости / мягкости: консонантная группа типа C_1C_2' ведёт себя как твёрдый согласный, если C_2 — заднеязычный, и как мягкий — в остальных случаях, независимо от фактической твёрдости/мягкости C_1 [Касаткин 1983].

считать как бы вариантом гласной *a*, противопоставляемой вместе с ней гласной *u* в положениях перед ударенными гласными нижнего подъёма».

[Захарова 1959: 20—21]

Остаётся неясным, почему функциональное тождество [e] с [и] следует считать «фонетически закономерным» при диссимилятивном яканье [см. Захарова 1971: 3—4], а тождество его с [a] — «отступлением» и признаком «разрушения» того или иного типа яканья.

Л. Л. Касаткин, который вновь исследовал некоторые говоры, описанные О. Брокком в работе [Брок 1916], подтверждает его наблюдения [Касаткин 1999: 441—442; 2002: 253] и предлагает называть противопоставленные в таких говорах звукотипы *u* и не-*u* [Касаткина (ред.) 1999: 148].

В последнем издании учебника по русской диалектологии под редакцией Л. Л. Касаткина о дистрибуции гласных первого предударного слога при диссимилятивном яканье говорится следующее:

«В большинстве современных говоров с диссимилятивным яканьем в первом предударном слоге после мягких согласных наряду с [a] могут также иногда произноситься гласные более верхних подъёмов [ɛ] или [e]. Иначе говоря, в качестве безударных гласных, функционирующих как звуки неверхнего подъёма, могут выступать звуки в диапазоне от [e] до [a]. Поэтому противопоставление гласных в этой позиции можно определить как [и] — не-[и]»

[Касаткин 2005: 44];

ср. в предыдущем издании:

«(П)еред гласными верхнего подъёма [и, ы, у] произносится гласный нижнего подъёма [а], перед гласным нижнего подъёма [а] произносится гласный верхнего подъёма [и] или гораздо реже гласный среднего подъёма [е]».

[Касаткин 1989: 49]

Относительно умеренного яканья в обоих изданиях находим такую фразу:

«(П)еред твёрдым согласным произносится [а], перед мягким — [и] или [е]».

[Касаткин 1989: 48—49; 2005: 43]

Таким образом, в издании 1989 г. излагалась точка зрения Н. Н. Дурново и Р. И. Аванесова о диссимилятивном и умеренном яканье, а в издании 2005 г. диссимилятивное яканье характеризуется с точки зрения, восходящей к О. Броку, умеренное — согласно Н. Н. Дурново и Р. И. Аванесову. Следовательно, отличие диссимилятивного яканья от умеренного Л. Л. Касаткин [2005] видит не только в том, от чего зависит произношение предударного гласного, но и в том, как возможные предударные гласные обобщаются в звукотипы: см. табл. 8.

Табл. 8. Звукотипы 1-го предударного слога при диссимилятивном и умеренном яканье согласно [Касаткин 2005].

тип яканья	звукотипы предударного слога
диссимилятивное	<i>и ~ не-и</i>
умеренное	<i>а ~ не-а</i>

Между тем, известны и говоры с умеренным яканьем, которым свойственна дистрибуция *и ~ не-и*: таковы, в

частности, говоры на территории Тульской области, описанные Д. М. Савиновым [2000], из чего следует, что различие в основном принципе организации модели вокализма необязательно сопровождается различием в составе предударных звукотипов.

Из изложенного видно, что оба типа дистрибуции предударного гласного могут быть свойственны как системам с диссимилятивным яканьем, так и системам с умеренным, и этот признак может быть основанием для классификации моделей яканья. Можно метонимически называть модели с противопоставлением *и* — не-*и* «узкими», с *а* — не-*а* — «широкими». Теоретически каждый тип диссимилятивного и умеренного яканья, а также все модели с комбинацией принципов диссимилятивности и умеренности (в том числе с участием принципа ассимилятивности), могут быть «широкими» и «узкими». Однако известно, что не все теоретически возможные типы яканья действительно существуют в говорах, и до тех пор, пока не появятся описаний «минимальных пар» систем вокализма — таких, которые различались бы только и исключительно типом противопоставления гласных в первом предударном слоге, — нужно было бы считать этот признак не дифференцирующим, а интегральным.

Впрочем, описания как минимум одной такой пары можно найти в литературе. В говорах с умеренным яканьем к востоку и юго-западу от Москвы известны такие системы вокализма, где перед твёрдым согласным в предударном слоге произносится всегда [e], перед мягким — [и] [ДАРЯ

1986: 92].¹⁸ Такой тип вокализма называют умеренным еканьем [Строганова 1964: 62]. С другой стороны, О. Г. Гецовой [1952] описан говор села Катагощи Рязанской области, в котором перед твёрдым согласным в первом предударном слоге звучит [а], перед мягким — [е]. Позднее такой же тип (катагощинское яканье) был обнаружен и в некоторых говорах старообрядцев Забайкалья [Касаткин 2002]. Обе эти модели основаны на принципе умеренности, и единственное их отличие друг от друга заключается в том, что умеренное еканье — «узкий» тип, а катагощинское яканье — «широкий»: при умеренном еканье [е] противопоставляется [и] и функционирует как гласный нижнего подъёма, при катагощинском яканье [е] противопоставляется [а] и функционирует как гласный верхнего подъёма. Оппозицию «широкий / узкий» можно, таким образом, считать различительной по меньшей мере для систем умеренного яканья.

Обратимся теперь к вопросу о генезисе рассматриваемых противопоставлений.

Как показано в § 1 настоящей главы, первичными внутри просодического ядра являются отношения по долготе: предударный и ударный гласный в сумме стремились к сохранению количественной стабильности. Затем на базе этих количественных отношений развились отношения по

¹⁸ В ДАРЯ умеренное еканье не считается отдельным типом вокализма и картографируется так же, как и «обычное» умеренное яканье.

тембру.¹⁹ В процессе фонологизации этой коартикуляционной закономерности, помимо установления границы между функционально долгими и функционально краткими ударными гласными, должно было, по-видимому, оформиться и противопоставление звукотипов первого предударного слога, причём в качестве «опорного» звукотипа мог выступать либо закрытый краткий [и], либо открытый долгий [а]. В первом случае формировался «узкий» тип яканья, во втором — «широкий». Можно, таким образом, распространить понятие линии фонологизации и на первый предударный слог: в этом случае под линией фонологизации понимается условная граница, отделяющая по подъёму узкий (и краткий) звукотип первого предударного слога от широкого (и долгого). При определении представленной в том или ином говоре модели вокализма следует выяснить положение линии фонологизации как в ударном, так и в безударном слоге: решение одной из этих задач без решения другой невозможно.

Табл. 9.

А. Протодисс. яканье.		Б. «Широкий» дисс. тип.		В. «Узкий» дисс. тип.	
1 п/у	ударн.	1 п/у	ударн.	1 п/у	ударн.
[а]	верх. подъём	[а]	ф. краткий	[а], [е]	ф. краткий
[е]	ср. подъём	[е],[и]	ф. долгий		
[и]	ниж. подъём			[и]	ф. долгий

Принципиальное отличие фонологизированных моделей яканья от системы протодиссимильтивного яканья

¹⁹ Сами количественные отношения при этом не обязательно исчезли, см. [Высотский 1973].

состоит в следующем. При протодиссимильятивном яканье должна наблюдаться такая зависимость, когда каждой ступени подъёма ударного гласного соответствует одна ступень подъёма предударного. В фонологизированных моделях появление любого из варьирующихся в первом предударном слоге звуков ([и], [е] для «широких» типов, [е], [а] для «узких») перед соответствующим ударным равновероятно ²⁰ (см. табл. 9). Так что для констатации именно фонологизированного типа необходимо установить, что предударный гласный среднего подъёма действительно употребляется в одних и тех же позициях с гласным верхнего или нижнего подъёма. Именно таково его поведение в исследованном автором данной работы (совместно с И. И. Исаевым и Е. В. Калугиной) в ноябре 2006 г. говоре дер. Лихунино Клепиковского р-на Рязанской обл. В речи единственного представителя старшего поколения жителей деревни К. А. Антоновой (1925 г. р.) довольно последовательно реализуется «узкая» разновидность ассимильятивно-диссимильятивного яканья култуковского типа: [и] звучит только перед ударными ⟨е⟩, ⟨ê⟩, а перед ударными ⟨и⟩, ⟨у⟩, ⟨ô⟩, ⟨о⟩, ⟨а⟩ отмечается свободное варьирование [а] и [е] с преобладанием [а]. Примеры произношения не-[и] перед ударными ⟨и⟩, ⟨у⟩, ⟨ô⟩, ⟨о⟩, ⟨а⟩: *п'ир'вал'и́, кър'анн'и́ја, прин'асу́т, т'апло́, ч'ало́, с'в'акр'ов'ју, з'емл'о́ј, б'ал'јо́, с'ес'т'о́р, н'емно́шкь, н'аг'однај, н'е зна́ју, н'еда́внь, п'ъм'арла́, с'т'ас'н'а́ис'с'и*; примеры произношения

²⁰ Вполне возможно, впрочем, что и их распределение подчинено каким-то закономерностям — скорее всего, суперсегментным.

[и] перед ударными ⟨e⟩, ⟨ê⟩: *v'irt'ét', nъ s'ub'ê, k r'uk'é, t'ur'éb'ut, n'и s't'él'u, m'ut'él'ица.*

В новейшей работе Р. Ф. Касаткиной и Д. М. Савинова о генезисе некоторых типов ассимилятивно-диссимилятивного яканья содержится утверждение о том, что «⟨...⟩ распределение предударных гласных окончательно формируется в систему „настоящего“ ассимилятивно-диссимилятивного яканья ⟨...⟩ лишь после перехода системы противопоставления в предударном слого от [a] — не-[a] к [и] — не-[и]. Только в результате этого изменения появляется возможность для фонологизации в первом предударном слого противопоставления гласных ⟨...⟩ Это изменение системы корреляций приводит к фонологизации противопоставлений [и] || [a] и к утрате фонетической зависимости гласного первого предударного слога от ударного гласного».

[Касаткина, Савинов 2007: 406, 405]

Р. Ф. Касаткина и Д. М. Савинов, таким образом, считают, что противопоставление *a ~ не-a* является исконным и при формировании системы «настоящего» яканья должно смениться противопоставлением *и ~ не-и*. Однако под «настоящим» яканьем эти авторы, хотя и употребляют термин *фонологизация*, понимают лишь такие системы вокализма, где фонологические чередования были лексикализованы или грамматикализованы:

«Живая фонетическая зависимость ударных и предударных гласных исчезает, а произношение [а] или [и] перед различными ударными гласными характеризует отдельные слова и грамматические классы слов».

[Касаткина, Савинов 2007: 406—407]

Следовательно, фонологизацией Р. Ф. Касаткина и Д. М. Савинов называют не установление фонологического правила, а грамматикализацию и лексикализацию [см. также Захарова 1971; 1977], т. е. они употребляют этот термин в ином смысле, чем он употребляется в настоящей работе. В любом случае рассуждения Р. Ф. Касаткиной и Д. М. Савинова никак не влияют на дифференцирующий потенциал противопоставления звукотипов предударного слога (хотя бы для систем умеренного яканья), соображения о котором были приведены выше.

Обращает на себя внимание параллелизм в перестройке системы ударного вокализма и изменении взаимоотношений гласных предударного слога: и там, и там гласные среднего подъёма отходили либо к долгим, либо к кратким; этот процесс происходил в ударном и первом предударном слоге независимо (в том смысле, что линия фонологизации в предударном слоге необязательно проходила в том же самом месте, т. е. между теми же подъёмами, что и в ударном). Развитие противопоставлений гласных при формировании фонологизированной зависимости состояло, таким образом, в их бинаризации.

**ГЛАВА III. ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЗУДАРНОГО
ВОКАЛИЗМА В АКАЮЩИХ ГОВОРАХ
И ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ МОДЕЛЕЙ АКАНЬЯ**

§ 1. Понятие модели вокализма.

Термин *модель вокализма* употребляется в диалектологической литературе наряду с терминами *тип вокализма* и *система вокализма*. Понятие модели вокализма представляется предпочтительным из тех соображений, что термин *модель* уже имеет в виду известную идеализацию и некоторую степень абстракции: как известно, в живых говорах никогда не наблюдается стопроцентного соответствия той или иной идеальной схеме, какой бы точной и детализированной эта схема ни была.

«Лингвистич(еское) моделирование необходимо предполагает использование абстракции и идеализации. Отображая „релевантные“, существенные (с т(очки) зр(ения) исследования) свойства оригинала и отвлекаясь от несущественных, М(одель) выступает как нек(ото)рый абстрактный идеализиров(анный) объект».

[Булыгина, Крылов 1990: 304]

Например, в акающем говоре, с обычной для него нейтрализацией гласных неверхнего подъёма в безударных слогах, может спорадически произноситься [o] на месте ⟨o⟩ (см., например, данные говора д. Бояновичи в § II.1), однако это не должно препятствовать определению вокализма данного говора как акающего, так как нейтрализация

является в говоре системным фактом, а произношение [o] в безударных слогах — нарушением системы.¹

Понятие модели вокализма было обосновано в работах Т. Ю. Строгановой:

«⟨...⟩ существующие в реальной действительности диалектные системы вокализма никогда не представляют собой логически безупречных схем, а как всякий живой организм во много раз сложнее всякой схемы и не лишены противоречий, являющихся результатом длительного пути развития ⟨...⟩. Конструированные таким путём модели идеальны. В живой диалектной действительности, конечно, идеальных систем нет и не может быть ⟨...⟩. Любая „идеальная“ модель, воплощаясь в реальной системе, усложняется за счёт сосуществования или взаимодействия с другими системами, в результате чего возникают языковые тенденции, видоизменяющие модель, проявляющиеся в различного рода отклонениях от схемы».

[Строганова 1973: 35—36]

Очевидно, согласно Т. Ю. Строгановой, отношения между моделью и системой суть отношения между более абстрактным и более конкретным, «идеальная» модель «воплощается» в реальной *системе* так же, как фонема воплощается в аллофонах и т. п. Возможно, такое

¹ Необходимо отличать подобные явления от описанных в § I.1 случаев сосуществования оканья с аканьем, названных там частичным оканьем и частичным аканьем: при частичном аканье/оканье как нейтрализация, так и её отсутствие являются фактами системы, поскольку там они распределены позиционно.

терминологическое разграничение могло бы быть продуктивным, однако следует признать, что в научных работах по диалектологии оно не используется, и все три названных понятия (модель, система, тип) употребляются как полные синонимы.

Можно назвать три самых полных описания моделей безударного вокализма в акающих говорах, соответствующих трём основным этапам его изучения: это работы Н. Н. Дурново, Р. И. Аванесова и Т. Ю. Строгановой [Дурново 1918; Аванесов 1949; Строганова 1964, 1973]. Разумеется, за время, прошедшее после выхода последнего из этих описаний, были обнаружены новые модели вокализма. Так, З. П. Здобнова обнаружила в русских говорах на территории Башкирии ряд новых разновидностей диссимилятивно-умеренного яканья [Здобнова 1977]; Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель сделали предположение о наличии в акающих говорах после твёрдых согласных столь же разветвлённой «сети» моделей аканья, что и после мягких согласных [Касаткина, Щигель 1995; ср. также Савинов 2001]²; И. И. Исаев обнаружил в говоре д. Уляхино Гусь-Хрустального р-на Владимирской области два ранее неизвестных типа

² Однако никаких конкретных данных о действительном наличии после твёрдых согласных тех же моделей, что и после мягких, так и не было приведено (кроме давно известных моделей жиздринского и архаического аканья-яканья). Единственная описанная в работе Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель система вокализма, названная ими ассимилятивно-диссимилятивным аканьем, не является фонологизированной (см. стр. 41—42 настоящей работы) и поэтому не рассматривается в данной главе.

диссимильятивного и ассимильятивно-диссимильятивного яканья [Исаев 2004: 14—15]. Тем не менее, более полного описания, чем выполненное Т. Ю. Строгановой, до сих пор не существует, и в дальнейшем мы будем пользоваться им в качестве базового.³

Одним из неформальных признаков выделенности той или иной модели вокализма из всех прочих является наличие у неё собственного названия. Собственные названия (иные и по два, а то и три) имеют почти все описанные модели вокализма, за исключением некоторых разновидностей диссимильятивно-умеренного и умеренно-диссимильятивного яканья; кроме того, ни одна из существующих моделей ассимильятивного яканья (а их в [Строганова 1964: 63] названо шесть) не имеет отдельного наименования. Что же касается более формальных признаков отдельной модели вокализма, то естественно предположить (сохраняя аналогию «модель ~ фонема»), что каждая модель должна представлять собой совокупность некоторых дифференцирующих признаков, причём одной модели должно соответствовать уникальное сочетание значений этих признаков, а сам набор этих признаков должен быть единым для всех моделей.

³ В более компактном и несколько уточнённом и дополненном виде это описание содержится в [Касаткин 2005].

§ 2. Состав дифференцирующих признаков моделей аканья и набор их значений.

Дифференцирующим признаком модели должен являться каждый фактор, влияющий на реализацию фонем неверхнего подъёма в предударном слоге, т. е. на позиционное распределение звукотипов предударного слога.

1. Первым дифференцирующим признаком моделей аканья в русских диалектах можно считать признак **диссимилятивности**. Вербально он определяется как «наличие / отсутствие диссимилятивной зависимости предударного гласного от ударного» и может иметь два значения: {+, -}. Следует уточнить, по какому фонетическому параметру происходит в моделях с положительным значением данного признака диссимиляция (расподобление) предударного и ударного гласных. Как показано в § II.1, предпочтительнее всего считать таким параметром функциональную долготу / краткость: краткий предударный гласный произносится перед долгим ударным и наоборот. Диссимиляция является в данном случае обычно дистантной (межслоговой) и регрессивной. Положительное значение данного признака будут иметь все известные модели диссимилятивного аканья и яканья, ассимилятивно-диссимилятивного яканья, диссимилятивно-умеренного и умеренно-диссимилятивного яканья.

2. Вторым дифференцирующим признаком моделей аканья в русских диалектах можно считать признак **ассимилятивности**, определяемый вербально как «наличие / отсутствие ассимилятивной зависимости

предударного гласного от ударного». По выражению Т. Ю. Строгановой, модели с принципами диссимильности и ассимильности «отличаются друг от друга, как негатив от позитива» [Строганова 1973: 64]. Поэтому все свойства данного дифференцирующего признака будут соответствовать свойствам дифференцирующего признака диссимильности. Возможные значения: {+, -}. Положительное значение данного признака имеют все разновидности ассимильного яканья [Строганова 1964: 63], ассимильно-умеренное и умеренно-ассимильное яканье, ассимильно-диссимильное яканье. Ассимильция также осуществляется регрессивно и дистантно по параметру функциональной долготы / краткости: долгий предударный гласный [а] появляется перед долгим ударным, краткий предударный — перед кратким предударным. В § II.1 показано, что исторически ассимильция в моделях ассимильно-диссимильного яканья осуществлялась не по параметру длительности, а по качеству гласного. Можно считать, что после фонологизации ассимильной зависимости при генезисе ассимильно-диссимильной модели параметром, по которому осуществляется ассимильция в этой модели, также становится функциональная долгота/краткость. Что касается чисто ассимильного яканья, то, если принять гипотезу о его возникновении из соответствующих диссимильных моделей, высказанную в [Строганова 1973: 64], тогда и в них параметром, по которому осуществляется ассимильция, должна являться функциональная долгота/краткость.

Следующий принцип, который следует учитывать при выделении дифференцирующих признаков моделей аканья — это, несомненно, принцип умеренности. Принцип умеренности должен быть расщеплён на два дифференцирующих признака: отдельно перед твёрдым и перед мягким согласным, что объясняется существованием диссимилятивно-умеренных (умеренность только перед мягким согласным) и умеренно-диссимилятивных (умеренность только перед твёрдым согласным) моделей яканья. Итак,

3. Третьим дифференцирующим признаком моделей аканья в русских диалектах можно считать **умеренность перед твёрдым согласным**, т. е. «наличие / отсутствие зависимости предударного гласного от твёрдости следующего согласного». Возможные значения: {+, -}. В моделях с положительным значением данного признака перед твёрдым согласным всегда произносится [a] (или не-[и], см. § II.2). Положительное значение данного признака имеют модели умеренного яканья (в т. ч. умеренное еканье и катагощинское яканье), умеренно-диссимилятивного и умеренно-ассимилятивного яканья.

4. Четвёртым дифференцирующим признаком моделей аканья в русских диалектах можно считать **умеренность перед мягким согласным**, т. е. «наличие / отсутствие зависимости предударного гласного от мягкости следующего согласного». Возможные значения: {+, -}. В моделях с положительным значением данного признака перед мягким согласным всегда произносится [и] (или не-[a], см. § II.2). Положительное значение данного признака имеют

модели умеренного яканья, диссимильтивно-умеренного и ассимильтивно-умеренного яканья.

Следующая группа дифференцирующих признаков имеет отношение к положению линии фонологизации. Для различения типов диссимильтивного аканья и яканья (а также ассимильтивного яканья) между собой недостаточно одних только признаков диссимильтивности (resp. ассимильтивности), поскольку эти модели различаются тем, как именно гласные ударного слога распадаются на функционально долгие и краткие. Для корректного формального описания «косых» (несимметричных) моделей диссимильтивного вокализма необходимо выделение двух дифференцирующих признаков, описывающих положение линии фонологизации: отдельно в зоне переднего и непереднего ряда.

5. Пятым дифференцирующим признаком моделей аканья в русских диалектах можно считать **положение линии фонологизации в зоне переднего ряда**.⁴ Возможные значения данного признака: {и|ê, ê|е, е|а}. Охарактеризованными по данному признаку являются все известные модели аканья и яканья, за исключением моделей

⁴ «Ряд» употребляется здесь условно, а не в фонологическом значении: известно, что для фонологического описания системы гласных русского языка (литературного и диалектного) признак ряда является избыточным, так как для пятифонемного вокализма достаточно признаков подъёма ([high], [low]) и лабиализации ([round]), а для семифонемного требуется ещё один, например, параметр «напряжённость» ([tense]), как в [Davis 1970], или «продвинутый корень языка» ([ATR]), как в [Suzuki 1998: 160].

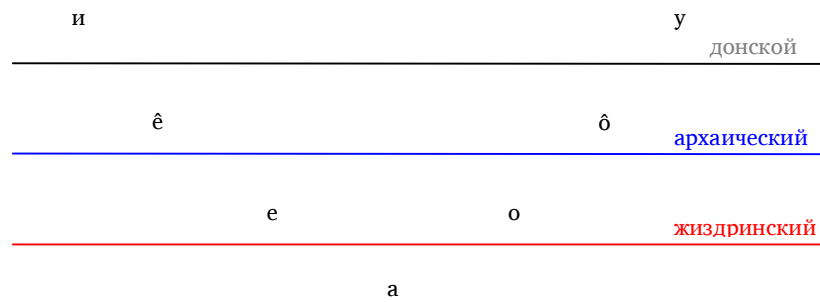
сильного аканья и яканья (а также иканья и еканья) и умеренного яканья, которые остаются по данному признаку неохарактеризованными.

6. Шестым дифференцирующим признаком моделей аканья в русских диалектах можно считать **положение линии фонологизации в зоне непереднего ряда**. Возможные значения признака: {y|ô, ô|o, (o|'o), ^(^o)o|a}.⁵ Охарактеризованными по данному признаку являются все известные модели аканья и яканья, за исключением моделей сильного аканья и яканья (а также иканья и еканья) и умеренного яканья, которые остаются по данному признаку неохарактеризованными.

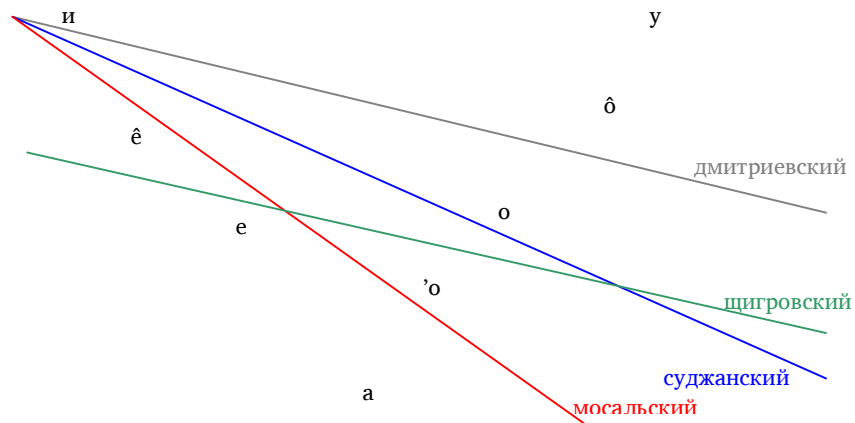
Покажем схематически положение линии фонологизации (т. е. значения признаков 5 и 6) для важнейших моделей диссимилятивного аканья и яканья.

⁵ В скобки взяты значения, возможные только для типов яканья — аканья после мягких согласных. Фактически они нужны только для разграничения суджанского и мосальского типов диссимилятивного яканья.

а) «Прямые» системы:

б) «Косые» системы:

7. Седьмым дифференцирующим признаком моделей аканья в русских диалектах можно считать **тип дистрибуции гласных предударного слога**, которому посвящён § II.2 настоящей работы. Возможные значения признака: {+ («широкий»); – («узкий»)}. Функционально этот признак остаётся не очень нагруженным: для большинства известных моделей яканья неизвестно, «широкие» они или «узкие», точнее, этот признак для большинства известных моделей яканья может принимать и то, и другое значение. Но есть и такие модели, для которых он действительно является различительным. Во-первых, как показано в § II.2, это касается сильного еканья («узкий» тип) и катагощинского

яканья («широкий» тип). Во-вторых, именно по этому признаку различаются иканье, (сильное) еканье и сильное яканье: иканье как «узкий» тип, сильное яканье как «широкий»; еканье приходится считать по этому признаку неохарактеризованным, так как [e] здесь является единственным и ничему не противопоставленным представителем гласных фонем неверхнего подъёма в предударном слоге. Кроме того, обязательно «широким» является задонский подтип архаического диссимилятивного яканья, так как предударный [e] выступает в нём как краткий и оказывается противопоставлен [a] (при этом обоянский подтип архаического яканья может быть как «широким», так и «узким»); та же ситуация в чухломском подтипе диссимилятивно-умеренного яканья: [e] выступает как краткий и противопоставлен [a] [Бурова, Касаткин 1977] ⁶ (при этом верхне-днепровский подтип может быть как

⁶ В чухломском яканье на месте всех гласных фонем неверхнего подъёма произносится [’и] перед мягким согласным, а перед твёрдым [’е] при [á] в ударном слоге и [’а] перед прочими ударными гласными. Согласно Л. Л. Касаткину, «фонологически <...> такой тип <...> яканья не отличается от умеренного. <...> звуки [e] и [a] воплощают одну и ту же архифонему, соответствующую всем гласным фонемам неверхнего подъёма и равным образом противопоставленную остальным двум фонемам, выступающим в этой позиции: <и> и <у>» [Касаткин 1999: 423]. Но тогда неясно, зачем выделять чухломское яканье в отдельный тип; кроме того, при любом типе яканья с произношением [a] и [e] в предударном слоге эти звуки будут «воплощать одну и ту же архифонему» (например, в задонском диссимилятивном яканье; означает ли это, что задонское диссимилятивное яканье — то же самое, что и сильное яканье?).

«широким», так и «узким»). Для всех прочих моделей данный признак интегрален.

Семи выделенных дифференцирующих признаков достаточно для описания большинства известных в говорах русского языка моделей аканья и яканья. Но не всех: с учётом только этих семи признаков не будут различаться, например, задонский и обоянский подтипы архаического яканья. Последние два будут иметь такой набор признаков:

1	2	3	4	5	6	7
+	-	-	-	ê e	ô o	+(-)

Различие между задонским и обоянским типами архаического диссимилятивного яканья заключается в том, что в обоянском типе перед функционально долгим ударным гласным произносится [и], а в задонском — [e]. Следовательно, при обоянском яканье в предударном слоге все гласные фонемы неверхнего подъёма нейтрализованы не только между собой, но и с фонемой верхнего подъёма ⟨и⟩, а при задонском яканье ⟨и⟩ в нейтрализации не участвует [Аванесов 1974: 154]. Поэтому дифференцирующий признак, который различал бы обоянское и задонское яканье, должен быть связан с участием ⟨и⟩ в нейтрализации.

8. Восьмым дифференцирующим признаком моделей аканья в русских диалектах можно считать **участие ⟨и⟩ в нейтрализации**. Возможные значения: {+, -}. Большинство известных моделей аканья после мягких согласных ⁷ имеют

⁷ ⟨и⟩ может участвовать в нейтрализации и в моделях аканья после твёрдых согласных [Сталькова 1973], но никаких особых типов или подтипов аканья в связи с этим выделять не принято.

положительное значение этого признака; отрицательное значение, помимо задонского яканья, имеют сильное яканье и еканье и катагощинское яканье. Значение данного признака оказывается определённым образом связано со значением признака 7: «узкие» модели вокализма с необходимостью являются маркированными по данному признаку (<и> обязательно участвует в нейтрализации, если одним из звукотипов предударного слога является [и]), тогда как в «широких» моделях вокализма <и> может участвовать в нейтрализации, а может и не участвовать.

Восьми названных дифференцирующих признаков оказывается достаточно для разграничения всех моделей аканья, описанных в [Строганова 1964, 1973] и [Касаткин 2005]. Признаковая матрица моделей аканья представлена в таблице на стр. 66. В кавычках даны условные названия тех моделей ассимилятивного, диссимилятивно-умеренного и умеренно-диссимилятивного яканья, которые собственных названий не имеют, но линия фонологизации в которых проходит так же, как и в соответствующих диссимилятивных типах. В таблице представлены только типы аканья после мягких согласных, как отличающиеся бóльшим разнообразием; следует иметь в виду, что известные типы аканья после твёрдых (сильное аканье и два типа диссимилятивного аканья) параллельны соответствующим типам яканья и, значит, характеризуются теми же значениями дифференцирующих признаков.

		1	2	3	4	5	6	7	8	
сильное	яканье	-	-	-	-	0	0	+	-	
	еканье	-	-	-	-	0	0	0	-	
	иканье	-	-	-	-	0	0	-	+	
умеренное	яканье	-	-	+	+	0	0	+	+	
	еканье	-	-	+	+	0	0	-	+	
	катагощинское яканье	-	-	+	+	0	0	+	-	
диссимилятивное	жиздринское	+	-	-	-	e a	o a	+/-	+	
	архаическое	задонское	+	-	-	-	ê e	ô o	+	-
		обоянское	+	-	-	-	ê e	ô o	+/-	+
	донское	+	-	-	-	и ê	у ô	+/-	+	
	дмитриевское	+	-	-	-	и ê	ô o	+/-	+	
	суджанское	+	-	-	-	и ê	o 'o	+/-	+	
	мосальское	+	-	-	-	и ê	'o a	+/-	+	
щигровское	+	-	-	-	ê e	o 'o	+/-	+		
ассимилятивное	«жиздринское» (А.1) ⁸	-	+	-	-	e a	o a	+/-	+	
	«архаическое» (А.5)	-	+	-	-	ê e	ô o	+/-	+	
	«донское» (А.2)	-	+	-	-	и ê	у ô	+/-	+	
	«мосальское» (А.4)	-	+	-	-	и ê	'o a	+/-	+	
	без названия (А.3)	-	+	-	-	e a	у ô	+/-	+	
	без названия (А.6)	-	+	-	-	ê e	'o a	+/-	+	
ассимилятивно-диссимилятивное	бельское	+	+	-	-	и ê	у ô	+/-	+	
	кидусовское	+	+	-	-	и ê	o 'o	+/-	+	
	култуковское	+	+	-	-	и ê	'o a	+/-	+	
	новосёлковское	+	+	-	-	ê e	o 'o	+/-	+	
	ореховское	+	+	-	-	ê e	'o a	+/-	+	
умер.-дисс.-умер.	верхне-днепровское	+	-	-	+	e a	o a	+/-	+	
	чухломское	+	-	-	+	e a	o a	+	+	
	«архаическое»	+	-	-	+	ê e	ô o	+/-	+	
умер.-дисс.	«жиздринское»	+	-	+	-	e a	o a	+/-	+	
	«щигровское»	+	-	+	-	ê e	o 'o	+/-	+	
	«суджанское»	+	-	+	-	и ê	o 'o	+/-	+	
умеренно-ассимилятивное		-	+	+	-	e a	o a	+/-	+	
ассимилятивно-умеренное		-	+	-	+	e a	o a	+/-	+	

⁶ Указан номер согласно схеме в [Строганова 1964: 63].

Можно заметить, что выделенный состав дифференцирующих признаков является неоднородным. Так, признаки 1—4 (диссимилятивность, ассимилятивность, умеренность) относятся к принципам организации безударного вокализма; признаки 5 и 6 являются уточняющими по отношению к признакам 1 и 2 (как видно из таблицы, модель аканья оказывается охарактеризованной по признакам 5 и 6 только в том случае, если она имеет положительное значение признаков 1 и/или 2). Наконец, признаки 7 и 8, наименее нагруженные функционально, конкретизируют, в каком именно звукотипе реализуются (или не реализуются) гласные фонемы неверхнего подъёма в предударном слоге.

Все модели аканья можно разделить на две группы по значению признаков 1—4: модели сильного, умеренного, диссимилятивного и ассимилятивного яканья характеризуются тем, что в их структуре присутствует максимум один принцип организации безударного вокализма (диссимилятивность, ассимилятивность, умеренность); все прочие модели (ассимилятивно-диссимилятивное, умеренно-диссимилятивное и диссимилятивно-умеренное, умеренно-ассимилятивное и ассимилятивно-умеренное яканье) функционируют на основе двух принципов. Взаимодействие принципов (сведений о котором, кстати, никак нельзя извлечь из таблицы) в этих моделях может быть интерпретировано двояко. Во-первых, статически: в этом случае следует считать эти принципы позиционно распределёнными. Например, при ассимилятивно-диссимилятивном яканье принцип ассимилятивности

действует при [á] под ударением, принцип диссимилятивности — при прочих ударных гласных; при диссимилятивно-умеренном яканье принцип умеренности действует перед мягким согласным, принцип диссимилятивности — перед твёрдым, и т. п.⁹ С другой стороны, возможна и динамическая¹⁰ интерпретация такого взаимодействия: можно считать, что один принцип как бы наслаивается на другой и блокирует его действие, хотя и не полностью. Например, при ассимилятивно-диссимилятивном яканье принцип ассимилятивности накладывается на

⁹ Кажется, можно считать это проявлением некоторого самого общего механизма, способного определять устройство моделей безударного вокализма (не только акающего) в русском языке. Ср. прим. I.4.

¹⁰ Задачу динамического описания безударного вокализма в русских говорах было бы удобно решать, используя методологию теории оптимальности. Ряд попыток такого описания (в основном для диссимилятивных моделей) уже был предпринят в работах [Suzuki 1998: 159—200], [Crosswhite 2000a, b], [Nesset 2002]. К. Судзуки и Т. Нессет интерпретируют диссимилятивное яканье как диссимиляцию по подъёму; при объяснении механизма взаимодействия ограничений в «косых» (асимметричных) моделях яканья приходится считать, что признак подъёма связан в них с признаком лабиализации. Интересным образом это приводит и к возможному объяснению того, почему в русских говорах не зафиксированы такие асимметричные модели яканья, в которых линия фонологизации была бы «наклонена» не вправо, а влево: согласно К. Судзуки, причиной этого является как раз связанность признака подъёма с признаком лабиализации, которая подтверждается и на типологическом материале [Suzuki 1998: 198]. К. Кроссуайт предлагает количественную интерпретацию отношений гласных просодического ядра. Полное динамическое описание всех моделей яканья пока отсутствует.

принцип диссимильности, ограничивая его действие положением перед ненижними ударными гласными.¹¹ При диссимильно-умеренном и умеренно-диссимильном яканье принцип умеренности накладывается на диссимильную модель, ограничивая действие принципа диссимильности положением перед твёрдым/мягким согласным соответственно. При ассимильно-умеренном и умеренно-ассимильном яканье умеренность накладывается на ассимильность, оставляя ей лишь положение перед мягким/твёрдым согласным соответственно. Исходя из этих данных, можно выстроить следующую иерархию принципов организации безударного вокализма в говорах русского языка (от наименее высоко ранжированного к наиболее):

диссимильность > ассимильность > умеренность

¹¹ Именно таково традиционное объяснение генезиса ассимильно-диссимильных моделей яканья [Аванесов 1949: 88], иное объяснение см. в [Захарова 1977].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Определяющим признаком аканья является нейтрализация гласных фонем неверхнего подъёма в безударных слогах. В данном исследовании подробно проанализированы существующие в диалектологической литературе определения оканья и аканья и предложены уточнённые термины для описания соответствующих систем вокализма, в том числе таких, где оканье и аканье совмещаются в различных позициях (в частности, после твёрдых и после мягких согласных).

Во второй части исследования прослежено происхождение диссимилятивного аканья и превращение его из фонетически обусловленного коартикуляционного явления в фонологическую модель вокализма. Описан обнаруженный в одном из современных говоров тип вокализма, который, возможно, представляет собой промежуточную стадию этого процесса — система с континуальной зависимостью длительности предударного гласного от длительности ударного (так называемое «протодиссимилятивное аканье»). Генезис системы диссимилятивного аканья из протодиссимилятивного понимается как установление линии фонологизации — границы, определяющей функциональную долготу/краткость ударных гласных. Различная дистрибуция гласных предударного слога в ряде современных моделей яканья показывает, что при генезисе этих моделей гласные предударного слога также по-разному могли распределяться на функционально долгие и краткие, а сам тип дистрибуции

может быть различительным признаком некоторых моделей аканья.

Совокупность различительных (дифференцирующих) признаков всех известных в настоящее время моделей аканья определена в третьей части работы. Таких признаков выделено восемь, из них четыре описывают принципы организации безударного вокализма (диссимилятивность, ассимилятивность, умеренность), а другие четыре уточняют сферу действия этих принципов либо конкретизируют фонетическое воплощение предударного гласного. Итогом исследования является признаковая матрица современных фонологизированных моделей аканья; для различных моделей с взаимодействием двух принципов (ассимилятивность + диссимилятивность; умеренность + диссимилятивность; умеренность + ассимилятивность) установлена иерархия этих принципов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 1949 — *Р. И. Аванесов*. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М.: Учпедгиз, 1949.
- Аванесов 1956 — *Р. И. Аванесов*. Фонетика современного русского литературного языка. М.: Изд-во МГУ, 1956.
- Аванесов 1974 — *Р. И. Аванесов*. Русская литературная и диалектная фонетика. М.: Просвещение, 1974.
- Акишина, Барановская 1980 — *А. А. Акишина, С. А. Барановская*. Русская фонетика: Учебное пособие. М., 1980.
- Брок 1916 — *О. Брок*. Говоры к западу от Мосальска. Пг.: Типография Императорской академии наук, 1916.
- Булыгина, Крылов 1990 — *Т. В. Булыгина, С. А. Крылов*. Модель // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 304—305.
- Бурова, Касаткин 1977 — *Е. Г. Бурова, Л. Л. Касаткин*. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977.
- Войтович 1968 — *Н. Т. Войтовіч*. Ненаціскны вакалізм народных гаворак Беларусі. Мінск: Навука и тэхніка, 1968.
- Войтович 1971 — *Н. Т. Войтовіч*. О структурном параллелизме типов безударного вокализма и нарушениях его в белорусских говорах: (К проблеме аканья) // Вопросы языкознания. 1971, № 2. С. 83—92.
- Высотский 1973 — *С. С. Высотский*. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 1973. С. 17—41.
- Высотский 1977 — *С. С. Высотский*. К вопросу о диссимилятивном принципе вокализма // Экспериментально-фонетические

- исследования в области русской диалектологии / Отв. ред. С. С. Высотский. М.: Наука, 1977. С. 53—59.
- Гецова 1952 — *О. Г. Гецова*. Говор с. Катагощи. Дисс... канд. филол. наук. М., 1952.
- ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР: В трёх выпусках. Выпуск I: Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1986.
- Дурново 1918 — *Н. Н. Дурново*. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие. [М.,] 1918.
- Дурново 1969 — *Н. Н. Дурново*. Введение в историю русского языка. [2-е изд.] М.: Наука, 1969.
- Дурново 2000 — *Н. Н. Дурново*. Очерк истории русского языка // *Н. Н. Дурново*. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 1—337.
- Захарова 1959 — *К. Ф. Захарова*. Архаические типы диссимильятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Новая серия. Т. 1. М., 1959. С. 6—55.
- Захарова 1971 — *К. Ф. Захарова*. Типы диссимильятивного яканья в русских говорах: (Лексико-морфонологическая характеристика) // *Вопросы языкознания*. 1971, № 2. С. 3—18.
- Захарова 1977 — *К. Ф. Захарова*. К вопросу о генетической основе типов ассимильятивно-диссимильятивного яканья // *Диалектологические исследования по русскому языку*. М.: Наука, 1977. С. 49—63.

- Здобнова 1987 — *З. П. Здобнова*. Особенности предударного вокализма после мягких согласных в русских говорах Башкирии // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1987. С. 61—69.
- Исаев 2004 — *И. И. Исаев*. Развитие вокализма одного владимирского говора во второй половине XX века (на материале говора деревни Уляхино Гусь-Хрустального района Владимирской области). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Владимир, 2004.
- Израелян 2003 — *А. Г. Израелян*. Качественные и количественные отношения между гласными просодического ядра в современном русском литературном языке. Дипломная работа. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003.
- Касаткин 1983 — *Л. Л. Касаткин*. Особенности воздействия мягкого заднеязычного согласного, стоящего после твёрдого согласного, на предшествующий гласный в русских говорах // Русские народные говоры: Лингвогеографические исследования. М.: Наука, 1983. С. 60—72.
- Касаткин 1989 — *Л. Л. Касаткин*. Фонетика // Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд. М.: Просвещение, 1989. С. 32—79.
- Касаткин 1999 — *Л. Л. Касаткин*. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999.
- Касаткин 2002 — *Л. Л. Касаткин*. Катагощинское яканье в говоре семейских — старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики. IV: Сб. статей / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2002. С. 252—260.

- Касаткин 2005 — *Л. Л. Касаткин*. Фонетика // Русская диалектология. [3-е изд.] / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 22—85.
- Касаткин 2007 — *Л. Л. Касаткин*. К истории фонем /о/—/ω/ // А. И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию со дня рождения учёного): Тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 8—11 июня 2007 г.). М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 26—27.
- Касаткина 1995 — *Р. Ф. Касаткина*. О южнорусском диссимильятивном аканье // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова. М.: ИРЯ РАН, 1995. С. 220—228.
- Касаткина 1996 — *Р. Ф. Касаткина*. Межслоговая ассимиляция гласных в русских говорах // Просодический строй русской речи. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 207—221.
- Касаткина 2005 — *Р. Ф. Касаткина*. Московское аканье в свете некоторых диалектных данных // Вопросы языкознания. 2005, № 2. С. 29—45.
- Касаткина (ред.) 1999 — Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / Под ред. *Р. Ф. Касаткиной*. М.: Наука, 1999.
- Касаткина, Савинов 2007 — *Р. Ф. Касаткина, Д. М. Савинов*. Ещё раз к истории развития ассимильятивно-диссимильятивного вокализма в южнорусских говорах // Проблемы фонетики: Сб. статей. Вып. 5 / Отв. ред. *Р. Ф. Касаткина*. М.: Наука, 2007. С. 395—407.
- Касаткина, Щигель 1995 — *Р. Ф. Касаткина, Е. В. Щигель*. Ассимильятивно-диссимильятивное аканье // Проблемы фонетики. II. М.: [ИРЯ РАН], 1995. С. 295—309.

- Князев 2000 — *С. В. Князев*. К вопросу о механизме возникновения аканья в русском языке // Вопросы языкознания. 2000, № 1. С. 75—101.
- Князев 2001 — *С. В. Князев*. К истории формирования некоторых типов аканья и яканья в русском языке // Вопросы русского языкознания. Выпуск IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 8—42.
- Князев 2001a — *С. В. Князев*. Ещё раз о соотношении фонетики и фонологии // Вестник МГУ. Серия 9, Филология. 2001, № 5. С. 101—112.
- Князев 2003 — *С. В. Князев*. О формировании важнейших типов аканья и яканья в русском языке // Славянское языкознание. Материалы конференции к XIII Международному съезду славистов / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 90—112.
- Князев 2006 — *С. В. Князев*. Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М.: МАКС Пресс, 2006.
- Князев, Пожарицкая 2002 — *С. В. Князев, С. К. Пожарицкая*. Ещё раз о механизме формирования умеренного яканья в русском языке // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 273—280.
- Кодзасов 1989 — *С. В. Кодзасов*. О просодии русского слова // Славянское и балканское языкознание: Просодия: Сб. статей. М.: Наука, 1989. С. 26—40.

- Кодзасов 1995 — *С. В. Кодзасов*. О редуцированных словах в русском языке // Проблемы фонетики. II. М.: [ИРЯ РАН], 1995. С. 157—171.
- Кодзасов 1996 — *С. В. Кодзасов*. Просодические классы слова и место ударения // Просодический строй русской речи. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 70—85.
- Кодзасов 1999 — *Kodzasov, Sandro V*. Russian // Word Prosodic Systems in the Languages of Europe / Ed.: Hulst, Harry van der. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1999. P. 852—876.
- Кодзасов 2000 — *С. В. Кодзасов*. Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на примере говора с. Деулино Рязанской области) // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: Доклады и тезисы науч. конф. М., 2000. С. 88—94.
- Колесов 1975 — *В. В. Колесов*. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М.: Наука, 1975. С. 53—58.
- Колесов 1998 — *В. В. Колесов*. Фонетика // Русская диалектология / Под ред. В. В. Колесова. Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1998. С. 34—73.
- Кудрявцев 1998 — *Ю. С. Кудрявцев*. Относительная хронология типов аканья по данным лингвистической географии // Язык и текст: Межвуз. сб. / Отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та, 1998. (Проблемы исторического языкознания; Вып. 5). С. 92—107.
- Кузнецов 1964 — *П. С. Кузнецов*. К вопросу о происхождении аканья // Вопросы языкознания. 1964, № 1. С. 30—41.
- Кузнецов, Отт 1989 — *В. Б. Кузнецов, В. А. Отт*. Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования «буква — звук» и

- управление длительностью речевых сегментов. Таллинн: Валгус, 1989.
- Общеславянское значение 1968 — *В. И. Георгиев, В. К. Журавлёв, Ф. П. Филли, С. И. Стойков*. *Общеславянское значение проблемы аканья*. София: Изд-во Болг. Академии наук, 1968.
- Панов 1972 — *М. В. Панов*. О синтагматике гласных в говорах с диссимилиативным яканьем // *Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова*. М.: Наука, 1972. С. 218—226.
- Пауфошима 1967 — *Р. Ф. Пауфошима*. О переходе от окающего безударного вокализма к акающему в одном севернорусском говоре (по данным спектрального анализа) // *Очерки по фонетике севернорусских говоров*. М.: Изд-во АН СССР, 1967. С. 83—98.
- Пауфошима 1980 — *Р. Ф. Пауфошима*. Активные процессы в современном русском литературном языке: (Ассимилятивные изменения безударных гласных) // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1980. Т. 39, № 1. С. 61—68.
- Руделев 1963 — *В. Г. Руделев*. К фонологической интерпретации русского аканья // *Вопросы языкознания*. 1963, № 2. С. 30—38.
- Савинов 2000 — *Д. М. Савинов*. Вокализм первого предударного слога некоторых тульских говоров (Белевский и Веневский районы). Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2000.
- Савинов 2001 — *Д. М. Савинов*. Развитие предударного вокализма в одном тульском говоре // *Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова*. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 211—215.

- Сидоров 1966 — *В. Н. Сидоров*. Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах // *В. Н. Сидоров. Из истории звуков русского языка*. М.: Наука, 1966. С. 141—158.
- Сталькова 1973 — *И. Л. Сталькова*. Предударный гласный *ы* (этимологический) в системе диссимилятивного аканья // *Исследования по русской диалектологии*. М.: Наука, 1973. С. 74—87.
- Строганова 1955 — *Т. Г. Строганова*. Одна из особенностей южнорусского вокализма // *Вопросы языкознания*. 1955, № 4. С. 94—103.
- Строганова 1964 — *Т. Г. Строганова*. Вокализм // *Русская диалектология* / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. С. 31—68.
- Строганова 1973 — *Т. Г. Строганова*. Вокализм // *Русская диалектология* / Под ред. П. С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. С. 35—77.
- Строганова 1977 — *Т. Ю. Строганова*. О вокализме 2-го предударного слога после твёрдых согласных в акающих говорах // *Диалектологические исследования по русскому языку*. М.: Наука, 1977. С. 86—96.
- Теплова 1981 — *В. Н. Теплова*. О заударном вокализме после твёрдых согласных в русских говорах // *Диалектология и лингвогеография русского языка*. М.: Наука, 1981. С. 53—64.
- Трубецкой 1960 — *Н. С. Трубецкой*. Основы фонологии. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1960.
- Хабургаев 1965 — *Г. А. Хабургаев*. О фонологических условиях развития русского аканья // *Вопросы языкознания*. 1965, № 6. С. 55—63.

- Чекмонас 2001 — В. Чекмонас. К изучению вокализма говоров Псковщины: (Ритмическая структура слова и акустические особенности реализации гласных в говоре д. Тешевицы Псковского района) // Вопросы русского языкознания. Выпуск IX: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 43—85.
- Шахматов 1896 — А. А. Шахматов. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров // Русский филологический вестник. Варшава, 1896. Т. 36, № 3—4.
- Шахматов 1915 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг.: Типография Императорской академии наук, 1915. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1 / Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Под ред. И. В. Ягича).
- Crosswhite 2000a — Crosswhite, Katherine M. The Analysis of Extreme Vowel Reduction // UCLA Working Papers in Linguistics, vol. 4 (2000). Papers in Phonology 4 / Eds.: Adam Albright and Taehong Cho. P. 1—12. (ROA-582¹).
- Crosswhite 2000b — Crosswhite, Katherine M. Vowel Reduction in Russian: A Unified Account of Standard, Dialectal, and “Dissimilative” Patterns // University of Rochester Working Papers in the Language Sciences, Vol. Spring 2000, no. 1 / Eds.: Katherine M. Crosswhite and Joyce McDonough. P. 107—171. (ROA-583).
- Davis 1970 — Davis, Phillip. A Classification of the Dissimilative Jakan’e Dialects of Russian // Orbis. 1970, 19. P. 360—376.

¹ Здесь и далее под кодом ROA указан номер работы в Rutgers Optimality Archive (<http://roa.rutgers.edu>).

Nesset 2002 — *Nesset, Tore*. Dissimilation, Assimilation and Vowel Reduction: Constraint Interaction in East Slavic Dialects with so-called Dissimilative *Akan'e* and *Jakan'e* // *Poljarnyj Vestnik*. Reports from the Russian Department. University of Tromsø. 2002, No. 5. P. 77—101.

Suzuki 1998 — *Suzuki, Keiichiro*. A Typological Investigation of Dissimilation. Doctoral dissertation. The University of Arizona, 1998. (ROA-281).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст № 8. Калужская обл., Хвастовичский р-н

Пръжыла ну вóс'им'сът л'ёт пръ... прър'ьпътáла. Ул'án скóл'к'е... А т'ип'ёр уже думъ'у : ладна, н'ипрáвда, скóрь, скóра тудá. Тип'ёр скóрь, скóре... зерыут', засып'ут', стэл' н'и выл'изу! Луб'йм'ин'к'и л'уд'и, вóд была жыс', тады была назвáиць па-нашъму вьраууша, ч'ас мар'ир'и́ју ьн'е назвáли, мар'ир'е́ја та. Ина м'ин'е с'йл'н'а маледу́ју тр'ипáла. Тр'и рьса на д'ьн' зьб'ир'áла. А плóхо п'итáнија ү н'ёт. И думъ'у: рьбóтът' надъ, и в колхóз үн'ут', и свя́ рьбóтка јес'. Пајдý-ка ја сус'ётка ьдна́ кажът' Кáт'е. Já, үър'т', схад'иль, мен'е укóлы, үварид', дáл'и, двá вкóла, үър'т', хв'ёршал дáл. Já үър', т'ип'ёр' м'ен'е ад'ин рьзóч'иг зьб'ирáј, пајдý уш ы јá. Рьд'йм'ин'к'и маи л'уди, пр'ишла к ьв'ёршьлу, Кóршунъм-ть звáль. — Шó ть, Рóд'ина? — Рад'йм'ин'к'иј, дь кá' жь мн'е муч'ит'с'а? Ты ж, үър'у, тевáрка мн'е кажът'. Дáј мьн'е хоч' укóлиг, үввьр'у, јá ш нъ рьбóт'н'ик. А јон апслухъw м'ин'е, пал'д'ёл. — Рóд'ина, теб'е вкóла н'икъкóуь н'ил'з'á дьwáт'. Н'ил'з'á тьб'е вкóла давад'. — Думъ'у, ёх, нев'ёрнь тóть кьрмáн мој худóј, б'еднаја то-та в'иднь јá, wот и wот н'и лу́у теб'е золетéнај. И н'еч'иуа ж дáт'-ть мн'е и урач'у. Ан'иск'и-ть тáм с тьwáрк'иј даw пытá ан'и стьднь wдар'ила тьб'е дал, а мн'е вкóль н'и даиёт'. — Тáк, тьдá пр'ихед'и зáwтра. — Пешлá, даw м'н'е ёт'их п'ир'ул'ек. П'ир'ул'ек, шó п'јут'-та. Wот, Рóд'ина, па тр'и ил'и па ч'тыр'и как-ть л'и па тр'и w дён'. Wот п'еј! И óн мн'е пáш'ку цы́лзу дáw, wот! Умрú, н'и забúду, н'и лу́у, мьи вазл'убл'иньи, мóжът' дá. Не бежн'ицу пележы́ль ету п'ир'ул'к'и. Сów á, двá

ра́зь wжó отр'ипа́ль. Со́w бл'иуа́д'и́р Па́wл'ьк Ан'утк'и. — Та́к, Ро́д'ина́, на ребо́ту! — Па́wл'ик! — а съма́ н'и wyу́ва́р'в'ь^y <wawawawawa>, н'и wyу́ва́р'в'ь^y, трэ́п'ид' жа́р. — Шо́ ты л'ежы́ш, w з'имл'а́нк'и? — А Па́wл'ик, л'ижу́, иш'о́ л'иш ьт'р'ипа́ла, зьн'ьч'ина́ит', у́р'у́, тп'е́р м'ин'е́ тр'ипат... — А нъ нър'а́т на́дъ ит'и́т'! — Педа́йт'ъ, у́р'у́, мьн'е́... — А wжó wч'у́стыу... — Пьда́й мен'е́, у́р'у́, нъ бежн'и́ць п'ир'... там къл'а́ск'и мьн'е́ да́й... ну у́р'ит'... — И wо́т, Ал'е́нч'кь, жо́н мн'е́ педáw. А шо́б жъ мн'е́ — съма́ н'иу́ра́мьтнаа, с нъч'а́т'ја. Ко́ка он скезáw, Ко́ршун, н'изна́м. А, кьжу́, шо́ б́ут', то б́ут'. Иш'о́, н'и у..., пра́ст'и́т'е за э́та. А ч'е́р'т'и с не́у, трэ́п'ит' — и ха́й на см'ерт' трé... дъ ка́^y жъ мн'е́ му́ч'ица! Шт́уг буд'е п'а́т ал'и́ шес, а шо́ б́ут' то б́ут'. Бро́с'ит', бро́с'ит, а н'ет-н'ет... Та́к, кады́ мо́й цв'ито́ч'ик, пьвл'и́жа́л'и нев'е́рнь мн'е́ пау'и́бл'и мьи се́ тьх ʔи в́ух'и. Нев'е́рнь, пьвл'и́жа́л'и ьны мн'е́ на в́ух'и. А то́ ш ја ср́оду была ч'у́тка, с тьх-ть по́р и н'и ста́ль ја ч'у́т'. Падь́д'е́д' бл'иуа́д'и́р — бл'иуа́д'и́р б́ыл тько́ж-ть ста́рыј, ста́рыј д'е́т у на́с, а з'имл'а́нка — н'и́скь, С'т'е́шкь wt'ира́й wкошкь, а жо́н, н'е́кьгъ пь двьра́м по wс'и́м хад'и́т' — сту́к-сту́к: «Ро́д'ина, нъ ребо́ту! — Хвем'и́л'ъ Ро́д'ина, — с в'ид... с' в'идро́м», — на кьрто́ху, нъзв'а́иць, с' в'идро́м. Та́к, а мн'е́ пач'у́ильс' раз <нрзб.> ја н'и ч'у́т' н'и ста́ль, думь'у: на иредрóм. Ка́к wы́скьч'ила ја — а жо́м, бл'иуа́д'и́р, не дьро́и, — а́д'е́ ета жо́н б́лају́н. Шо́ ты, ма́т' твьју́, та́к ја шо́ н'и б'еу́ль р'а́дъм н'е́кьдъ. На́ кько́ж жъ мн'е́ иредрóм ит'и́т'? Куда́ ты <хи-хи> пьсыла́иш? — Wот э́сл'и лу́у, зьлето́ј ч'илов'е́к... А жо́н пр'ьмь ма́тъм, ка́к ну́жнь: Ја́ т'и́б'е́ с в'идро́м, а ја кька́и ть пр'амь то́ тут жи́радрóм пыта́ит'. А ты́ ш, с в'идро́м на кьрто́ху. А мн'е́ па... а ја думь'у, на иредрóм — нъ ко́ж жъ ирадрóм?.. С тьх-ть

пóр ја и н'и стáль ч'út' — кáк эгъ п'ир'ул'к'и пьп'илá. <их!
ой!> Тоб'е жъ рьскъзáт', умр'еш пр'има. Ирадрóм эгът
<нрзб.> къртóху <нрзб.> Ну шó, на ирадрóм, шó л'?
Лáднъ, уъвър'у, лáдна, пр'ишлá па хл'еп! А аны см'иутс'а. А ја
ур'у : см'ejтс'а а ја и ч'ез гр'у с'о рнó н'и ч'уу. И лич'йт'
jезд'ила, и в'ух'и кáк в'ух'и, и пал'д'ел'и пал'д'ел'и. Бáбушка,
бáбул'а! Ну шó ж, д'етч'к'и, тп'ер тó-гъ ја н'и б'уду ч'ут'? Дá,
нев'ернъ, тп'ер к стáрос'г'и тькáи-гъ б'уиш.